

венно начинают уже бредить. *Второе замѣчаніе.* Въ одномъ изданіи Англійскомъ (The Monthly Magazin and. Britisch Register London 1798 p. 189), не извѣстный изъявилъ сомнѣніе и въ подлинности пророчествъ на языческіе народы (гл. 25—32, гл. 35, 36. и гл. 38, 39). Но уже и нѣмецкіе столь мнительные и кропотливые ученые едва удостоиваютъ возражателя замѣчанія, что нѣтъ ни нужды, ни пользы опровергать основанное на одной прихоти сомнѣніе. Ибо совершенно ясно происхожденіе сихъ пророчествъ отъ одного и того же Св. Писателя, кому принадлежитъ вся книга. Встрѣчаются здѣсь обычныя Іезекіилю обозначенія года, мѣсяца и дня, когда послѣдовало откровеніе; также часты воззванія: *сине человекъ; тѣ же формулы: обрати лице на... слышите слово Господне... Бысть слово Господне ко мнѣ... и уразумѣють, яко Азъ есмь Господь* и пр. и въ сихъ пророчествахъ, какъ въ предыдущихъ, цари часто называютъ *pagid* и *naschi*, указываются тѣ же осадныя орудія *daik*. (circumvallatio) и *metolah* (agger) (26, 8 сл. 4, 2. 13, 13. 21, 27). Наконецъ, здѣсь вездѣ та же тщательность въ раскрытіи предмета, то же обиліе эпитетовъ, даже (въ 28, 14) указывается на видѣніе славы (1, 13. 10, 2). Если же часто въ сихъ пророчествахъ упоминается преисподняя (26, 20. 31, 14—17. 32, 18—13), то этого требовалъ предметъ, и это очевидно не доказываетъ того, что сіи пророчества, по своему свойству, различны отъ прочихъ. Вообще сказать о встрѣчающихся подобнаго рода сомнѣніяхъ и возраженіяхъ, что они не болѣе, какъ нечистыя насѣкомыя,—безпокоятъ изучающаго, и, останавливаясь для ихъ отраженія, невольно жалѣешь о потерѣ на это времени и труда.

Дѣльныхъ поводовъ къ сомнѣнію въ цѣлости этой книги тоже не представляется.

О книгѣ Св. Пророка Даніила.

За книгою Пр. Іезекіиля слѣдуетъ книга четвертаго велик. Пророка—Даніила. Правда, не всѣми помѣщается здѣсь эта книга. Талмудисты помѣстили кн. Пр. Даніила не между книгами пророковъ, но въ томъ классѣ св. книгъ, который извѣстенъ подъ именемъ Писаній, или агіографовъ.—гдѣ Евреи и донынѣ ставятъ кн. Даніила. Что впрочемъ это помѣщеніе книги есть не первоначальное въ собраніи ветхо-завѣтныхъ книгъ и не общее всѣмъ древнимъ іудеямъ, — доказательство тому, кромѣ древнѣйшаго перевода 70-ти, можно находить еще у Іудейскаго историка Флавія. Онъ, упомянувъ о кн. *закона* и *пророковъ*, въ классѣ *агіографовъ* считаетъ только четыре книги, и именно такія, въ которыхъ содержатся, по его выраженію, «Божественныя пѣсни и правила жизни для людей», т. е. книгу псалмовъ, Екклесіаста, притчей и Пѣснь пѣсней. Слѣд. книгу Пр. Даніила полагалъ онъ не здѣсь, но между книгами *пророковъ*. Также, Мелитонъ, Еп. Сардійскій, который во 2-мъ вѣкѣ путешествовалъ въ Палестину, чтобы узнать Библейскій канонъ Палестинскихъ Іудеевъ, и Оригенъ, который передаетъ канонъ то же Евреевъ, поставляютъ Даніила между пророками, и даже прежде Іезекіиля. Такъ образомъ, по Іудейскому же древнему численію

св. книгъ, Даниилова книга относится къ пророческимъ, хотя мѣсто ея между пророческими книгами не было строго опредѣлено и потому одинаково въ каталогахъ. Но помѣщеніе Даниила послѣ Іезекііля имѣетъ въ свою пользу, во 1-хъ, то, что книга Даниила занимаетъ именно это мѣсто въ древнихъ переводахъ В. Завѣта, начиная съ перевода 70-ти, принятаго въ церковное употребленіе въ Христіанствѣ, и въ разныхъ Еврейскихъ спискахъ—и въ Христіанскихъ древнихъ каталогахъ;— во 2-хъ, то, что при такомъ размѣщеніи Великихъ Пророковъ, соблюдается хронологическій порядокъ ихъ; и въ 3-хъ, то, что въ обще-принятыхъ изданіяхъ Библии остается неизмѣннымъ этотъ самый распорядокъ пророческихъ книгъ, по которому книга Даниила слѣдуетъ за книгою Іезекііля. Впрочемъ, разность помѣщенія Данииловой книги въ Библии, очевидно, ничего не представляетъ противъ подлинности этой св. книги.

Разсматривая составъ самой книги Пр. Даниила, находимъ: 1-е, что въ подлинникѣ пѣть числящихся по Слав. Библии 13-й и 14-й гл., также въ III гл. — пѣсни отроковъ, которыя между тѣмъ заключаются въ ея составъ — по переводу 70-ти, а отсюда и по нашему Славянскому. Эти части книги, не находясь въ подлинникѣ, поему признаются не каноническими, и не принадлежать собственно Данииловой пророческой книгѣ, хотя и помѣщены въ ней. Позднѣйшее происхожденіе этихъ частей видно и изъ нихъ самихъ. Это должно сказать, по крайней мѣрѣ, касательно сказанія

о Сосаннѣ (въ 13-й гл.), происхожденіе котораго уже на Греч. языкѣ очевидно. Данииль спрашиваетъ одного изъ — беззаконныхъ старцевъ — обвинителей цѣломудренной Сосанны: *подъ кимъ древомъ видѣлъ еси ихъ бесѣдующихъ къ себѣ: онъ же рече: подъ терномъ* (по Греч. *ὑπὸ τρυφῶν Ангелъ Божій*, возражаетъ Данииль, ... *расторженъ ты полма греч. σὺναι σε μέσον*. Такое слово Даниила, очевидно, поставлено въ соотвѣтствіе слову старцеву *ὑπὸ τρυφῶν—σὺναι σε*). Подобный же вопросъ предложилъ Данииль и другому старцу: *подъ кимъ древомъ?...* *Подъ иресминою* (*ὑπὸ πρέσμιου*), отвѣчалъ этотъ. *Ждетъ Ангелъ Божій*, сказалъ Данииль и сему беззаконнику, *развѣ ты полма* (*πρέσμι се*). Опять очевидно намѣренное соотвѣтствіе Даниилова слова (*πρέσμι*) старцеву (*πρέσμιου*). Очевидно, что подобная особенность рѣчи, какъ объясняемая изъ самаго намѣренія и мысли говорящаго, принадлежитъ самому подлиннику, а не въ переводѣ образовалось. Слѣдовательно, все сказаніе написано первоначально уже на Греческомъ и слѣд. не прежде не только Еллинскаго нашествія на Востокъ, подъ предводительствомъ Александра Македонскаго, но и распространенія между іудеями знанія Греческаго языка. Сказаніе о Сосаннѣ, какъ и о храмѣ и о жрецахъ Вила, въ Греческой Библии поставлено внѣ числа главъ — первое въ началѣ, а другое на концѣ книги. Въ нашей же Славянской хотя то и другое подведено подъ общее число главъ книги, но съ явнымъ нарушеніемъ хронологическаго порядка: ибо сказаніе о Со-

саннѣ, въ которомъ Даніилъ представляется еще юношей, поставлено послѣ откровеній, данныхъ ему уже при Кирѣ, слѣдовательно въ глубокой старости Пророка. — Значеніе этихъ неканоническихъ отдѣленій книги, со включеніемъ и пѣсни трехъ отроковъ, также не находимой въ подлинникѣ и слѣдовательно имѣющей подобное же происхожденіе, какъ и повѣствованія о Сосаннѣ и храмѣ Вила. — Согласно съ значеніемъ и другихъ Библейскихъ, но не каноническихъ писаній. Эти писанія принадлежатъ къ урокамъ также Божественнаго руководства; только сіи уроки Небеснаго руководства даны не въ начертаніяхъ самаго Слова Божія, а посредствомъ, такъ сказать, воспитательныхъ или учебныхъ опытовъ вѣры самаго спасаемаго человѣка, *егда* (скажемъ съ Апостоломъ) *бы младъ* еще по образу своего возрѣнія на спасительную истину и воспитывался *подъ поведѣніемъ и приставникъ* (Гал. IV, 1. 2.), однако уже близокъ былъ и проходилъ уже послѣднее время своего приготовленія къ точному и полному разумѣнію благодатной истины. Теперь, послѣ совершеннаго Откровенія благодати и истины въ Новомъ Завѣтѣ, мы должны какъ углубляться въ прежніе уроки самаго Слова Божія, дабы духъ и силу опытовъ вполнѣ открывать въ разумѣніи и дѣятельности нашей вѣры, такъ слѣдить и въ самыхъ учебныхъ опытахъ вѣры, воспитываемой отъ Бога къ зрѣлому уразумѣнію и выполненію спасительной истины, — должны слѣдить ея направленія и духъ съ тѣмъ, чтобы вполнѣ раскрыть

въ дѣятельности своей вѣры то, что было въ вѣрѣ в.-завѣтнаго человѣка, только начаткомъ и предуготовленіемъ. Съ сей точки зрѣнія пѣснь трехъ отроковъ, выражающая славу благодатной державы, не только сіяющую въ самомъ Божествѣ, но провозглашаемую и въ мірѣ невидимомъ и отражающуюся на всѣхъ предметахъ видимаго міра и самой природы неодушевленной, — является прекраснымъ и свѣтлымъ начаткомъ и образцомъ и урокомъ того, чтобы свѣтъ и сила Христовой державы нами, съ славословіемъ предъ Богомъ, созерцаемы были, какъ во внутреннихъ своихъ глубинахъ, такъ и въ отношеніи ко всѣмъ областямъ бытія и жизни. Ибо если и в.-завѣтной вѣрѣ дано, въ видѣ учебного или воспитательнаго опыта, войти именно въ *такую* силу и значеніе благодатной державы, то мы-то Новозавѣтные что будемъ, если даже отстанемъ отъ в.-завѣтной вѣры, а не будемъ вполнѣ развивать то, что тогда было только начаткомъ? — Съ этой точки зрѣнія сказанія о Сосаннѣ, по которому предъ судомъ Духа истины, въ устахъ Пр. Даніила, обличались пререканія и лжесвидѣтельства человѣчскія и съ должною славою открылась омрачаемая клеветою правда, — и сказаніе о храмѣ Вила, по которому обманы служителей призраковъ Божественнаго раскрылись во всей гнусности своей при томъ же свѣтѣ Духа Св., одушевлявшаго Пророка, — составляютъ в.-завѣтные начатки и залогомъ того, что для очей вѣры, озаряемыхъ свѣтомъ Божеств. Откровенія, всѣ пререканія и клеветы

человѣческія не закроютъ достоинства духовной правды и всѣ хитрости лжи не утаятъ безобразія заблужденій, при всей призрачной ихъ законности и дѣйствительной закоренѣлости. Ибо если преданія и воззрѣнія в.-завѣтной вѣры выражали это въ упомянутыхъ сказаніяхъ, то мы, увлекаясь мнимою убѣдительностію лжи и клеветами ея на благодатную правду и не умѣя дознать торжество правды и разсѣять козни лжи, были бы слѣпѣтѣхъ, на сердцахъ которыхъ все же сколько нибудь лежало ветхо-завѣтное покрывало. — О неканоническихъ частяхъ книги Пр. Даниїла довольно сказаннаго; болѣе и говорить не будетъ.

Но во II-хъ, въ самомъ составѣ подлинника Даниїловой книги находимъ то, что книга частію написана на Еврейскомъ, хотя съ халдеизмами, частію на чисто-Халдейскомъ. Именно: начиная съ 4-го ст. 2-й главы до 7-й гл. включительно, т. е. около 6-ти главъ (цѣлая почти половина книги) писаны по-Халдейски, а все остальное — послѣднія пять главъ и первая съ нѣсколькими стихами второй писаны на Еврейскомъ. И такъ, не двѣ ли отдѣльныя книги содержатся въ этихъ 12-ти главахъ, которыя находятся въ подлинникѣ? Нѣтъ, единство книги, не смотря на разность діалектовъ, на которыхъ она написана, видно прежде всего изъ связи, въ какой халдейская часть стоитъ съ Еврейскою. Начало халдейской части (именно 4-й ст. 2-й главы) и дальнѣйшая рѣчь составляютъ очевидное продолженіе сказанія, начатаго рѣчью Еврейскою (именно въ первыхъ трехъ стихахъ той-

же главы, писанныхъ на Еврейскомъ), — и притомъ продолженіе такое, которое не можетъ обойтись безъ своего начало (т. е. безъ начальныхъ стиховъ главы). Халдейская часть начинается такъ: *И глаголиши Халдеи Сирски* (въ подлинникѣ: арамейски, или сирахалдейски) *Цареви Царю, во вѣки живи: ты повѣждь сонъ* и пр. Что это значить? къ чему халдеи говорятъ царю о снѣ, — о какомъ снѣ, — какому царю? и пр. Очевидно, что этотъ стихъ стоитъ въ *необходимой*, неразрывной связи съ предыдущими, которые писаны Еврейскою рѣчью. Подобнымъ образомъ, по окончаніи халдейской части, въ 1 ст. VIII главы, писанной уже по Еврейски, сказано: *видѣніе явися мнѣ... по являемъ мнѣ прежде*. Но выше Даниїлово видѣніе изображено халдейскою рѣчью; въ 1-й главѣ, писанной по Еврейски, нѣтъ видѣній. И такъ очевидно, что Св. Писатель въ VIII-й главѣ на Еврейскомъ діалектѣ, собственно продолжаетъ ту же самую книгу свою, которая выше писана на сиро-халдейскомъ. Далѣе единство пророческой книги ясно открывается и изъ сличенія обѣихъ частей — еврейской и халдейской — между собою. Откровенія, въ обѣихъ частяхъ, по своему свойству и направленію, совершенно одинаковы: и отъ пророчествъ другихъ пророковъ рѣзко отличны. Духовная любозпытательность самаго Пророка, стремящаяся постигнуть тайны чрезъ възвышенію къ Божественному свѣту собственнымъ молитвеннымъ подвигомъ, примѣчается или поставляется на открытый видъ ровно въ той и другой части (см. II,

16—23; IX; X, 2, 3). Откровения, по своему предмету, въ обѣихъ частяхъ относятся къ судьбамъ Церкви, которая страдаетъ въ іудейскомъ народѣ подъ игомъ языческаго преобладанія, но имѣть непремѣнно освободиться отъ сего тяжкаго ига для новыхъ подвиговъ и озлобленій, и которая наконецъ во Христѣ восторжествуетъ на вѣки надъ врагами; а обличеній и увѣщаній здѣсь не найдемъ равно въ обѣихъ частяхъ. Характеръ сихъ откровеній символизмъ, но или самъ по себѣ понятный, или изъясняемый у самаго же Пророка, и совершенно какъ бы историческая послѣдовательность предрекаемыхъ будущихъ событій и дѣйствующихъ лицъ, — историческая точность въ опредѣленіи времени будущихъ событій. Кромѣ сего, въ обѣихъ частяхъ встрѣчаются однѣ и тѣ же частности характерическія: таково напр., это таинственное счисленіе времени: *время, времена и полвремени* (7, 25; 12, 7). Сюда же относится наставленіе Пророка, по его вопросамъ, отъ Ангеловъ (7. 16; 12, 8.). И такъ обѣ части составляютъ книгу, обнаруживающую въ себѣ единство и по содержанію, и по характеру, и въ самыхъ частностяхъ. Наконецъ, изъ этой же самой книги можно видѣть, почему она при своемъ единствѣ писана не однимъ языкомъ. Назначая свою книгу для Евреевъ, священный писатель началъ писать ее на Еврейскомъ. Такое начало составляютъ первая глава и первые стихи второй. Но за тѣмъ ему предлежало излагать сирохалдейской разговоръ царя вавилон-

скаго съ мудрецами: какъ вполне владѣющій симъ языкомъ, священный писатель и излагаетъ этотъ разговоръ по сирохалдейски, и такимъ образомъ начинается въ книгѣ сирохалдейская рѣчь. Прерывать ее, какъ можно скорѣе, не было нужды ему: потому что народу, 70 лѣтъ жившему въ плѣну, была совершенно понятна такая рѣчь. Напротивъ, потребны были откровенія, не только касающіяся халдеевъ, но отчасти и данныя чрезъ самаго ихъ царя, изложить именно на ихъ нарѣчій *во свидѣтельство имъ*. Посему нѣсколько такого рода сказаній и излагаются здѣсь тоже халдейскою рѣчью. Затѣмъ откровенія и вообще сказанія, не имѣющія отношенія къ халдеямъ, излагаются опять по Еврейски. И такъ единство книги и разность діалектовъ, на которыхъ она написана, удобно соглашаются и изъясняются.

Такимъ образомъ намъ предстоитъ изслѣдованіе собственно 12-ти главъ книги, за исключеніемъ не каноническихъ главъ, и притомъ, не смотря на разность діалектовъ въ этихъ главахъ, — мы имѣемъ дѣло не съ разными св. книгами, но съ одною книгою Пророка Даниила.

Что эта книга принадлежитъ дѣйствительно Пророку Даниилу, это требуетъ особенно внимательнаго изслѣдованія. — Еще одинъ изъ самыхъ раннихъ ученыхъ враговъ христіанства — Порфирій относилъ происхожденіе сей книги ко временамъ Антиоха Епифана. Правда, его опровергли Св. Меодій, Евсей Кесарійскій и др. такъ, что въ Церкви Христіанской нимало непоколебалось благоговѣніе къ этой

книгъ какъ писанію великаго Пророка Даниїла. «Никто изъ пророковъ не говорилъ о Христѣ такъ открыто», отзывался Блаженный Иеронимъ о Даниїлѣ (praef. in Dan). «Никто въ Ветхомъ Заветѣ не написалъ о началѣ царства небснаго такъ ясно (diserte), говоритъ Августинъ о немъ же. Между самими іудеями, не смотря на то, что въ этой книгѣ столько содержится для христіанства оружія противъ нихъ, не подвергались сомнѣнію пророческое величіе Даниїла и происхожденіе отъ него этой книги. Хотя Блаженный Теодоритъ подозрѣвалъ ихъ въ покушеніи ослабить священную важность книги чрезъ помѣщеніе оной въ агіографахъ, но это послѣднее, во 1-хъ, не касалось происхожденія книги; во 2-хъ, и самое подозрѣніе несправедливо: ибо агіографы составляютъ у іудеевъ одианъ изъ классовъ каноническихъ же свящ. книгъ. Если еще талмудисты утверждали, будто книга Даниїла, какъ и нѣкоторыя другія, особенно писанцыя внѣ святой земли, составлена отъ великой синагоги: то эта мысль, по свидѣтельству Рав. Іархи основывается не болѣе какъ на одномъ изъ страннѣхъ представленій талмудистовъ, именно: на представленіи о необходимости составленія св. книгъ въ Палестинѣ (*). Какъ впрочемъ уважали Даниїла сами талмудисты, видно изъ слѣдующаго изреченія Талмуда:

(*) Бертольдъ свидѣтельство Талмуда разумѣлъ о внесеніи въ канонъ книги Даниїла великою Синагогою.

«Если бы всѣ мудрецы народовъ стали на одной чашкѣ вѣсовъ, а Даниїлъ на другой, то онъ перевѣсилъ бы всѣхъ ихъ». —

Уже въ новѣйшее время невѣріе язычника Порфирія стали перенимать іудеи и христіане. Спиноза, не сомнѣваясь въ подлинности послѣднихъ пяти главъ книги (8—12), о первыхъ семи выражался такъ: «undenam autem priora septem capita descripta fuerint nescio» (См. Carpov. 1 с. р. 245 сл.). Подобныя же, пока еще не рѣшительныя, нападенія на подлинность книги дѣлали нѣкоторые Англійскіе деисты, какъ-то: Collins, Wels. Протестантскіе ученые стали съ большею утвердительностію оспаривать подлинность сначала нѣкоторыхъ главъ изъ первой половины (3—6), какъ Михаелисъ, — потомъ и цѣлой половины, какъ Бйхгорцъ (1—6 гл.). Hezel (die Bibel u) cv—VI. р. 741. cv U), — наконецъ и всей книги, какъ сталъ оспаривать первый — Coggodi. Основаніемъ ихъ пререканій противъ подлинности этой книги служатъ собственно превратныя догматическія ихъ начала, — невѣріе въ истинну чудесъ и точныхъ пророчествъ; но они усиливаются разными способами неблагонамѣренпой критики доказать, что книга произошла позднѣе времени Пророка Даниїла, около времени Маккавеевъ, и въ своей исторической части недостоверна, а въ пророческой — содержитъ не болѣе, какъ исторію. Дерзость лжи въ выводахъ или заключеніяхъ о содержаніи книги доходитъ до того, что заподозриваетъ дѣйствительность самаго лица Навуходноссора и всѣхъ обстоятельствъ, соединенныхъ съ сею

личностию. Ясно, сколь необходимо и для догматики, и для Исторіи Церковной внимательное и основательное изслѣдованіе подлинности книги Пророка Даниїла. Но мы не для внѣшнихъ только цѣлей, а по требованію собственно нашей науки о св. Писаніи должны, касательно и каждаго отдѣла Слова Божія, выяснить и утвердить то, что Апостоль Павелъ говоритъ собственно о своемъ ученіи: «мы не поддаѣваемъ слова Божія, но проповѣдуемъ искренно, какъ отъ Бога предъ Богомъ во Христѣ» (2 Кор. 11, 17.); и еще: «отвергнувъ скрытность, свойственную дѣламъ постыднымъ, не прибѣгая къ хитрости и не искажая Слова Божія, а открывая истину, представляя себя совѣсти каждаго человѣка предъ Богомъ». (2 Кор. IV. 2). Такой же голось долженъ быть слышанъ для насъ и относительно книги Пр. Даниїла. Съ раскрытіемъ подлинности Даниїловыхъ пророчествъ (какъ и другихъ подобныхъ откровеній о цѣломъ рядѣ грядущихъ временъ и судьбъ міра) связана та великая истина, что вѣчная и вседержавная мысль Божія объемлетъ, предначертываетъ и движетъ всѣ событія въ мірѣ, осуществляя въ нихъ сама себя.

И такъ укажемъ сначала въ самой книгѣ признаки происхожденія ея въ вѣкъ именно Даниїла и отъ самаго Св. Пророка Даниїла;—потомъ представимъ и рассмотримъ внѣшнія о томъ свидѣтельства и показанія;—наконецъ разберемъ доказательства и возраженія оспоривателей. Это самый естественный порядокъ подобныхъ изслѣдованій. Будемъ дѣлать это дѣло съ возможною обстоятель-

ностию, такъ какъ чрезъ это будемъ и изучать самую свящ. книгу съ внѣшне-ученой стороны.

1) Въ самой книгѣ прежде всего представляется намъ свидѣтельство Св. Писателя самаго о себѣ. Самъ о себѣ всякой, правда, можетъ свидѣтельствовать, что ему угодно; подобныя свидѣтельства тѣмъ менѣе кажутся достовѣрными, когда и личность самаго свидѣтеля предполагается неизвѣстною, и только еще идетъ изслѣдованіе о ней. Но нельзя же отвергать случаевъ, когда въ самомъ образѣ такихъ свидѣтельствъ о себѣ бываетъ ясно видна ихъ достовѣрность.—Это самое и найдемъ въ свидѣтельствѣ Пророка Даниїла о себѣ.

Пророкъ свидѣтельствуемъ самъ о себѣ сколько опредѣленно и полно, столько же съ безыскусственностію искренности. Въ книгѣ его значится, что Даниїль дѣйствительно описывалъ свои пророческія видѣнія (7, 1: *сонъ свой вписа*). Говоря о себѣ въ 1-мъ лицѣ, онъ неоднократно называетъ себя прямо Даниїломъ (7, 28; 8, 2. 15. 27; 9, 2: *Азъ Даниїль*). Въ той же книгѣ замѣчаемъ, что онъ носилъ и другое имя Валтасаръ или Вастидаръ (10, 1). Въ книгѣ повѣствуется и то, кто таковъ онъ — Даниїль (1, 3—6: *отъ сыновъ Іудиныхъ, царскаго рода, взятыхъ въ плѣнъ и избранныхъ ко двору Навуходносора*), какъ онъ получилъ другое имя Валтасаръ (1, 7); описываются обстоятельства его воспитанія, благочестивые его подвиги, разныя подробности его жизни (1, 2, 3 гл.); указывается пророческое его достоинство (1, 17); обозначаются съ точностію обстоятельства пророческихъ его

видѣній, какъ-то: время (7, 1. 8, 1. 10, 1 и д.) и мѣсто (2, 1—19. 9, 1—4). Точнѣе и полнѣе этихъ свѣдѣній, какія о себѣ самъ писатель сообщаетъ въ своей книгѣ, и желать не нужно. Но какъ выражаетъ онъ такое свидѣтельство о себѣ? Въ разныхъ и отдѣльных мѣстахъ, — говоря о себѣ то въ 1-мъ, то въ 3-мъ лицѣ, — по поводу того или другаго откровенія тѣхъ или другихъ описываемыхъ событій; при всемъ множествѣ и ясности свѣдѣній, какія Пророкъ даетъ о себѣ, прямое указаніе на себя, какъ на писателя, онъ дѣлаетъ во всей книгѣ одно. — и то въ 3-мъ лицѣ, и притомъ касательно описанія одного только видѣнія: *и сонъ свой записа* (7, 1). Все это, конечно, не свойственно тому, кто хлопоталъ бы о выдачѣ своего произведенія подъ чужимъ именемъ, и притомъ подъ именемъ мужа великаго, — кому, слѣдовательно, нужно употребить немало усилія для подлога. Здѣсь напротивъ видно, что Св. Писатель собственно не своею личностію запытъ, что все его дѣло и цѣль — описать съ точностію извѣстныя событія и откровенія, а его лице обозначается уже само собою, на сколько онъ былъ дѣятелемъ въ сихъ событіяхъ и органомъ сихъ откровеній.

Скажутъ: это и показываетъ великое усиліе и искусство подлога, что столь естественно и повидимому, самъ собою обозначился въ книгѣ, какъ писатель ея, — тотъ великій Пророкъ, подъ имя котораго сдѣланъ подлогъ, отвѣчаемъ: Не будемъ останавливаться на томъ, что подобныхъ трудовъ искусства жли сколько извѣстно, не знала древность. Но вникнемъ

въ самую книгу, подверженную пререканіямъ. Въ цѣлой ея половинѣ, и притомъ начальной (1—6 гл.), говорится о Данилѣ въ 3-мъ лицѣ, какъ и о другихъ указанныхъ здѣсь лицахъ; въ послѣдней половинѣ хотя и говорится о немъ уже въ 1-мъ лицѣ, но и тутъ съ заглавными замѣчаніями о немъ также въ 3-мъ лицѣ (7 гл. 1 ст. и 9, 1). Писатель книги только какъ бы повѣствуетъ о Данилѣ и отчасти вводитъ въ нее рассказы его и слѣдовательно представляется какъ бы отдѣльнымъ отъ Даниила лицомъ. Можетъ показаться, что самъ писатель отличаетъ себя отъ Даниила. Такъ далеко простерлось бы искусство подлога!... Подлогъ вышелъ бы вмѣстѣ и искуснымъ до невѣроятности, и простоватымъ до такой же степени. Этого безъ сомнѣнія достаточно для отраженія представленнаго возраженія. Ибо отсюда рождается даже новое, совершенно тому противоположное, возраженіе: многое говорится въ книгѣ о Данилѣ, — говорится о немъ, что онъ самъ и записывалъ одно изъ откровеній, но во всемъ этомъ точно ли Пророкъ даетъ свидѣтельство *самъ о себѣ*, и можно ли на всю книгу простирать силу такого его свидѣтельства? Возраженіе, требующее также особаго изслѣдованія! Не открываетъ ли самъ писатель въ себѣ лица, отличнаго отъ Даниила? Когда въ книгѣ сказано опредѣленно, что Даниилъ *записа* свой пророческій *сонъ* (это въ 7-й гл.), и затѣмъ въ цѣлой половинѣ книги рѣчь идетъ почти непрерывно отъ лица Даниила, въ 1-мъ лицѣ: то какъ еще яснѣе говорить Пророку о себѣ, какъ о Писателѣ? Сказано

здѣсь, что именно Даниилъ описываетъ свои видѣнія, и далѣе излагаются они прямо отъ его лица: *Азъ Даниилъ... видѣхъ... бльхъ* и пр. Что о Даниилѣ, какъ писателѣ, сказано въ 3-мъ лицѣ, это не показываетъ того, будто кто другой такъ замѣчаетъ о Даниилѣ. Если 1-й стихъ 7-й главы, гдѣ говорится о Даниилѣ, какъ писателѣ, но только въ 3-мъ лицѣ, —сличить съ 1-мъ же стихомъ 8-й, 9-й и 10-й главъ: то нельзя не видѣть, что въ томъ, какъ и въ этихъ послѣднихъ, не другой кто, а самъ же Пророкъ говоритъ о себѣ. Смотрите въ самой книгѣ. Въ 8 и 9-й главахъ очевидно, что Пророкъ *самъ* говоритъ о себѣ, обозначая время своихъ видѣній (см. 1-й ст. той и другой гл.); ибо онъ выражается о себѣ въ 1-мъ лицѣ. Въ 10-й главѣ хотя сказано о Даниилѣ въ 3-мъ лицѣ, при подобномъ обозначеніи времени пророческаго откровенія (см. ст. 1), но по ходу рѣчи видно, что это сказано или написано самимъ же Данииломъ: ибо далѣе, безъ всякаго разграиченія рѣчи отъ 1-го стиха, очевидно самъ Пророкъ говоритъ: *въ тья дни азъ Даниилъ бльхъ* и пр. Выраженіе: *въ тья дни*, показываетъ, что Пророкъ продолжаетъ рѣчь 1-го стиха, въ которомъ слѣд. говорилъ онъ же самъ, хотя и выражается о себѣ въ 3-мъ лицѣ. Теперь въ 1-мъ стихѣ 7-й главы такъ же рѣчь идетъ о времени пророческаго откровенія, какъ въ 8-й и 10-й главахъ, и рѣчь такая же, какова въ отношеніи къ обозначенію времени во всѣхъ этихъ трехъ главахъ, и въ отношеніи къ Пророку—какова въ 10-й главѣ. Послѣ этого было бы противорѣчіемъ обычному въ

книгѣ изложенію рѣчи — приписывать рѣчь 1-го стиха 7-й главы о Даниилѣ кому либо другому, а не самому же Даниилу. Слѣдовательно, здѣсь Даниилъ самъ о себѣ свидѣтельствуеетъ, когда говоритъ: *сонъ свой вписа.*

Но на всю ли книгу простирается такое свидѣтельство? Когда вся книга, —не смотря на то, что писана отчасти по Еврейски, отчасти по халдейски—имѣетъ единство, какъ мы выше видѣли: то свидѣтельство Даниила о себѣ, какъ писателѣ, если бы было дано не только въ отношеніи къ главѣ и даже къ цѣлой половинѣ книги, но и въ отношеніи къ одному стиху, —необходимо простирается и на всю книгу. Это тѣмъ виднѣе и несомнѣннѣе, что какъ въ халдейской части книги Пророкъ говоритъ о себѣ то въ 3-мъ лицѣ (2—6), то прямо и открыто въ 1-мъ (7 гл.), такъ и въ Еврейской тоже самое (въ 1 гл. въ 3-мъ лицѣ, а въ послѣднихъ шести главахъ только однажды въ этомъ лицѣ, и за тѣмъ постоянно говоритъ онъ о себѣ прямо въ 1-мъ лицѣ). Такъ разноязычныя отдѣленія Даниилъ одинаково приписывалъ себѣ, хотя въ обоихъ же иногда говоритъ о себѣ, какъ бы о постороннемъ, въ 3-мъ лицѣ. Слѣдовательно, что въ книгѣ ни говорится о Даниилѣ, все это говоритъ онъ самъ о себѣ; во всемъ этомъ онъ самъ свидѣтельствуеетъ, кто онъ и какому времени принадлежитъ и пр. Если же страннымъ кажется, что одинъ и тотъ же писатель говоритъ о себѣ то въ 1-мъ, то въ 3-мъ лицѣ: то это въ Пророкѣ просто и удовлетворительно можетъ быть изяснено. Въ первыхъ

шести главахъ содержатся историческія сказанія, въ которыхъ самыя откровенія входятъ въ рядъ историческихъ событій; и потому Пророкъ, какъ дѣписатель собственно Божественныхъ дѣлъ, а не своей жизни, — говоритъ здѣсь о себѣ въ 3-мъ лицѣ. Такъ поступаютъ и другіе св. дѣписатели. Въ послѣднихъ шести главахъ онъ излагаетъ только пророческія свои видѣнія, гдѣ, слѣдовательно, пишетъ не какъ дѣписатель, но какъ собственно органъ пророческаго духа, созерцатель грядущаго; и потому здѣсь, безъ намѣренія выставить себя, является уже собственнымъ лицомъ, — говоритъ о себѣ въ 1-мъ лицѣ. Такъ поступаютъ опять и другіе св. пророки. Заглавныя же замѣчанія Давіила о себѣ въ 3-мъ лицѣ, то же, что надписанія у другихъ пророковъ. И такъ, то самое, что въ подлогѣ было бы неизъяснимымъ противорѣчіемъ (т. е. было бы и слишкомъ искусственно, и крайне не разсчитливо), — просто и естественно изъясняется въ самомъ Пророкѣ.

Соображая все сказанное, справедливо можемъ сдѣлать такое заключеніе, что свидѣтельство о себѣ, какъ писатель всей книги, Пророкъ Давіилъ даетъ твердое и ясное для внимательныхъ и въ тоже время не даетъ мѣста сомнѣнію безпристрастныхъ въ вѣрности и искренности такого свидѣтельства о себѣ самомъ.

Далѣе, разсматривая вообще содержаніе книги, найдемъ въ немъ много ясныхъ признаковъ происхожденія оной отъ Давіила, а отнюдь ни отъ кого во времена Маккавейскія.

Содержаніе книги отчасти историческое, какъ

почти исключительно въ первыхъ 6 главахъ, отчасти пророческое, какъ въ послѣднихъ шести главахъ, кромѣ не многихъ замѣчаній. Въ историческихъ сказаніяхъ сообщаются въ книгѣ такія свѣдѣнія о времени и мѣстѣ жительства Пророка Давіила, какія свойственны современнику и мѣстному обитателю, а не позднѣйшему и отдаленному писателю. Для удостовѣренія въ этомъ, разсмотримъ обстоятельнѣе сообщаемыя въ книгѣ Пророка Давіила свѣдѣнія — сначала о лицахъ и обстоятельствахъ его времени, потомъ о мѣстныхъ нравахъ-обычаяхъ, государственномъ устройствѣ и пр.

Знаменитѣйшее въ церкви лице того времени есть самъ Давіилъ. Въ началѣ вавилонскаго плѣна онъ уже былъ извѣстенъ. Пророкъ Іезекіиль засвидѣтельствовалъ о немъ, какъ о великомъ Праведникѣ и ходатаѣ за грѣшныхъ (14, 14—20. сн. 22 ст.) какъ о неподражаемомъ и извѣстномъ самимъ язычникамъ мудрецѣ (28, 2—3). Книга Давіила какъ бы имѣла и задачею своею — такую идею о Давіилѣ раскрыть въ живомъ его лицѣ, въ разнообразіи его поступковъ и случайности обстоятельствъ: онъ является уже въ началѣ плѣна — при дворѣ, имѣетъ вліяніе на самага царя и именно своею мудростію поставляется отъ него главою *надъ всеми мудрыми вавилонскими* (2, 48), подвизается для разумнѣнія вышнихъ таннъ въ воздержаніи, постѣ и молитвахъ (1 гл.; 9 гл.; 3 ст.), за благочестіе подвергается въ ровъ ко лвамъ, молится за соотечественниковъ, исповѣдуясь въ ихъ грѣхахъ, какъ въ собственныхъ и т. д.; сами язычники говорили

немъ: *яко духъ преизобильный въ немъ и премудрость и смыслъ (обрътеся) въ немъ* (5, 12). Также въ царѣ вавилонскомъ еще Исаія предвѣдѣлъ великую гордыню и жестокость (14 гл.); однако же чрезъ Іеремію обѣщано іудеямъ, въ случаѣ ихъ покорности, покровительство Навуходоносора и миръ въ самомъ плѣну; также, при раззореніи Іерусалима, завоеватель обнаруживаетъ вниманіе и благоволеніе къ Пророку. Именно, съ такими характеристическими чертами является Навуходоносоръ въ нашей книгѣ: благоволеніе къ Даниилу и тремъ отрокамъ, торжественное исповѣданіе истиннаго Бога, по книгѣ Даниила, являются въ Навуходоносорѣ «того раба Іеговы,» къ покорности которому Іеремія усиливался склонить іудеевъ; но съ другой стороны горделивое слово: *нѣсть ли сей Вавилонъ великій, его же азъ соградихъ... въ державѣхъ крепости моеи* и т. д., — или распоряженіе его избить всѣхъ мудрецовъ за неумѣніе пересказать и растолковать забытый имъ сонъ, повелѣніе бросить въ пламень не поклоняющихся его истукану, все это какъ бы прямо направлено къ оправданію пророчества Исаіи: *се человекъ раздражаяй землю; на небо възду* и пр. Распространеніе и украшеніе Вавилона, чѣмъ хвалится Навуходоносоръ въ книгѣ Даниила, приписываются сему царю и халдейскими историками (каковы Берозъ и Абиденъ). Изнѣженность, сластолюбіе и нечестіе послѣдняго вавилонскаго царя, раскрытыя у Даниила, подтверждаются Ксенофонтомъ въ его Киропедіи; о нечаянной и насильственной смерти сего царя, ука-

занной въ нашей книгѣ, повѣствуетъ также и Ксенофонтъ съ тѣми же обстоятельствами, что она послѣдовала ночью, послѣ сластолюбиваго пира. (Сугор VII, 5, 15.). Первенство сначала Мидянъ надъ Персами и потомъ усиленіе и владычество этихъ послѣднихъ, — о чемъ свидѣлствуютъ греческіе историки, видно и въ книгѣ Даниила. Въ такихъ историческихъ показаніяхъ замѣчательно, что при разногласіи свидѣтельствъ другихъ историковъ о чемъ либо, Св. Писатель точно будто дѣлаетъ строгую критику надъ ними, и слѣдуетъ достовѣрному изъ нихъ. Такъ объ участи послѣдняго вавилонскаго царя, халдейскіе и греческіе историки говорятъ не согласно, — послѣдніе, какъ выше указано, говорятъ объ убіеніи его ночью, первые о давленіи ему отъ побѣдителя одной области во владѣніе: проницательный критикъ, конечно, предпочтетъ греческія свидѣтельства халдейскимъ, какъ видимо пристрастнымъ, и прикрывающимъ домашнее безславіе, — въ книгѣ Даниила повѣствуется объ этомъ согласно съ греками. Вотъ и другой противоположный случай: о трудахъ Навуходоносора въ распространеніи Вавилона свидѣлствуютъ историки халдейскіе, греческіе же съ тѣмъ не согласны: критику понятно, что, въ показаніяхъ о чисто мѣстныхъ событіяхъ, иноземный и отдаленный писатель не имѣетъ достовѣрности туземнаго историка, — книга Даниила согласна съ симъ послѣднимъ. Замѣчательно еще, что въ книгѣ Даниила свѣдѣнія, объ обстоятельствахъ и лицахъ времени, — кромѣ тѣхъ чертъ, которыхъ точность можно по-

вѣрить свидѣтельствами древнихъ историковъ, — обилуютъ и такими чертами, которыя, по малоизвѣстности времени, уже и повѣрять не чѣмъ *внѣшнимъ*, но которыя, по связи съ первыми, достовѣрны и не мало проливаютъ новаго свѣта на тогдашнее время. Таковы напр. нѣкоторыя подробности о Навуходоносорѣ и т. под.

Спрашивается теперь: столь многія и столь вѣрныя и отчетливыя свѣдѣнія о лицахъ и событіяхъ времени Даниилова, можно ли предполагать въ Іудеѣ время Маккавейскихъ, живущемъ въ Палестинѣ.

Изъ 1-й книги Маккавеевъ открывается, что самое первое лице времени Маккавеевъ самъ Іуда Маккавей, былъ недовольно свѣдушъ въ иноземной исторіи, — касательно притомъ лицъ и событій самыхъ недавнихъ. Напр. см. VIII гл. этой книги: въ 7 ст. сказано, что Римляне *иша* Антиоха жива; но это не правда, — хотя Антиохъ и былъ побѣжденъ Римлянами, но не былъ взятъ ими въ плѣнъ (см. Michaelis Argm. p. 177. Wernsdorf. с. р. 45). Изъ стиха 8-го видно, будто Римляне взяли у Антиоха Индію, Мидію и Лидію; это опять не согласно съ исторіей, — Индія и Мидія никогда не были подъ владычествомъ Антиоха. Не вѣрно все описаніе Римскаго сената въ 15 ст. И такихъ историческихъ неточностей не мало здѣсь, и то относительно отчасти современниковъ. Какихъ же свѣдѣній ждать отъ іудеевъ сего времени, касательно лицъ и событій столь отдаленныхъ, каковы лица и событія времени и мѣстопребыванія Даниилова (369 л.)? И откуда онъ могъ бы почерпнуть эти

свѣдѣнія? Историческія показанія *друймаъ*, и при общемъ ихъ соображеніи (тогда впрочемъ невозможномъ), скудны сами въ сравненіи съ показаніями книги Даниила. Преданію по крайней мѣрѣ о такихъ событіяхъ, которыя для іудеевъ не имѣютъ важнаго значенія (что напр. значитъ для іудеевъ возвышеніе и украшеніе Навуходоносоромъ Вавилона?), неестественно сохраниться между іудеями чрезъ 369 лѣтъ. Наконецъ, нѣкоторыя историческія замѣчанія книги Даниила явно указываютъ въ ея писателѣ современника замѣчаемыхъ событій. Такъ, указаніе на постъ Даниила въ 21 день мѣсяца Низана (10, 1—4), время, закономъ опредѣленное для торжественнаго праздника Пасхи и опрѣсноковъ — странно было бы въ Палестинскомъ Іудеѣ, и притомъ строгаго времени Маккавейскаго; но понятно и естественно оно въ современникѣ, — постъ Даниила соотвѣтствовалъ времени озлобленія іудеевъ отъ Самарянъ, и оставленія Пасхи за недостаткомъ храма. Также обычное въ 5 и 6 гл. Даниилово выраженіе *Мидовъ* и *Персовъ* (5, 28, 6, 8; 12, 15.), показывающее еще первенство первыхъ надъ послѣдними, даетъ примѣтить, что писатель былъ современникомъ еще первенству Мидовъ; не много — позднѣйшая книга Есѣири, явившаяся уже во время преобладанія Персовъ надъ Мидянами, всякій разъ поставляетъ на первомъ мѣстѣ Персовъ, и за тѣмъ Мидянъ; въ книгѣ Маккавеевъ тоже обычное выраженіе *Пербѡν* кѣз *МуBUR* (1 Макк. 1, 1. 14, 2), — тоже и у языческихъ историковъ (Хенорф. Сугор. 3, 1. 8).

Порядокъ вещей, изображаемый въ книгѣ Даниила, именно: нравы, обычаи и пр., также открываютъ въ писателѣ современника описываемыхъ имъ событий и мѣстнаго обитателя Вавилоніи.

Указанный въ книгѣ обычай, по которому избраннымъ отъ царя пища и питье доставлялись со стола царскаго (см. 1, 5), былъ дѣйствительно въ Вавилонѣ. О семъ свидѣтельствуетъ книга Іереміи, употребляя и выраженіе въ семъ случаѣ тоже самое, какъ техническое въ тѣ времена (Іерем. 52, 33. 34). Обычай измѣняетъ имена при вступленіи или назначеніи къ службѣ царю (см. 1, 7), точно былъ у Вавилонянъ. Такъ Навуходоносоръ же, поставивъ Ватѣанію не болѣе какъ своимъ вассаломъ въ Іудеѣ, переименовалъ его Седекію (4 Цар. 24, 17). Въ переименованіи притомъ Даниила и трехъ его товарищей, замѣчательно, что по крайней мѣрѣ въ двухъ именахъ—Вальтазара и Авденаго есть указанія на вавилонскія божества. Это послѣднее также обычно было Вавилонянамъ; подобное замѣчаютъ во многихъ Вавилонскихъ именахъ (примѣры у *gesen. zu Jes 1*, p. 282). Казни: сжигать въ пламенной печи (3, 6) и разрубать тѣло на куски (2, 5: съ подл. «въ куски были изрублены») — тоже были въ употребленіи у халдеевъ (о первой свидѣтельство Іереміи 29, 22, о послѣдней—Іезек. 16, 40. 23, 47 см. въ Евр.). Въ угрозы царя Вавилонскаго казнить мудрецовъ, должно замѣтить еще, что онъ грозитъ и самыя дома ихъ обратить «въ грязь», или «въ болотную гряду» (2, 5: съ Евр.): это выраженіе указываетъ на обычное въ

Вавилонѣ устроеніе домовъ изъ обожженной или высушенной только на солнцѣ земли, которая водою и могла быть обращена въ грязь. О сопровожденіи религиозныхъ торжествъ въ Вавилонѣ музыкою (см. III гл. 5. и др.) свидѣтельствуетъ Курцій, при описаніи вступленія Александра въ Вавилонъ: «*Magi deinde suo more patrium carmen canentes post, hos chaldaei Babyloniorumque non vates modo, sed etiam artifices cum fidibus sui generis ibant, laudes regum canere soliti* (слова: «*magi, vates*—указываютъ на религиозный характеръ торжества).

Участіе женщинъ въ пиршествахъ (15, 2), столь странное на востокѣ, точно было въ нравахъ вавилонскихъ, по свидѣтельству Ксенофонта (въ *Киропедіи*). Общая склонность къ вину, и вообще невоздержность вавилонскаго общества, какія видны изъ описанія Валтасарова же пира (ибо и женщины пьютъ наравнѣ и вмѣстѣ съ мужчинами), засвидѣтельствованы Курціемъ (l. v. cap. 1): «*Babyloni maxime in vinum et quae ebrietatem sequuntur effusi sunt.*» Самая одежда, которая указана у Даниила въ 3, 21), оказывается, по розысканіямъ ученыхъ, одеждою Вавилонянъ (см. *Herzsternberg* p. 337).

Что касается до государственнаго устройства, изъ книги видно, что во первыхъ власть царя вавилонскаго и потомъ Мидо-Персидскаго, былъ неограниченный произволь деспота,—съ тою особенностію Мидо-Персидскаго владычества, что здѣсь слово или постановленіе царя должно быть неизмѣнимо и непреложно (первое открывается особенно изъ

распоряженій Навуходоносора, послѣднее — изъ VI, 8. 15). О деспотизмѣ вообще востока и говорить нѣтъ нужды; указанная же особенность царской власти у Мидійцевъ и Персовъ подтверждается книгою Есеири (8, 8). Далѣе книга Даниїла показываетъ, что изъ государственныхъ сановниковъ былъ одинъ ближайшій къ царю, превышавшій своимъ достоинствомъ всѣхъ прочихъ. Такъ Валтасаръ, за истолкованіе таинственныхъ письменъ, поставляетъ Пророка *третьимъ* въ царствѣ (V, 16); слѣд. былъ нѣкто второй въ царствѣ, слѣдовавшій непосредственно за царемъ, или по царѣ первый. О такомъ сановникѣ свидѣтельствуетъ Берозъ. (Онъ говоритъ, что при смерти Набопалассара отъ высшаго изъ сановниковъ *δὲ το βέρτισο ἀπὸ τοῦ* была объявлена царская власть Навуходоносору). Въ высшихъ за тѣмъ сановникахъ поставляются въ нашей книгѣ начальникъ тѣлохранителей царскихъ (2, 14), начальникъ Евнуховъ (1, 7. 10), начальникъ мудрыхъ (2, 48). У Иереміи (въ 39 гл. 13) упомянуты эти же самые государственные чины; и замѣчательно, что начальникъ тѣлохранителей названъ иначе, нежели у Даниїла, — доказательство, что послѣдній не заимствовался у перваго. Далѣе, въ нашей книгѣ значитъ, что Мидо-Персидское царство было раздѣлено на 120 сатрапій, имѣющихъ надъ собою особыхъ властелиновъ или сатраповъ (6, 1.). Такое раздѣленіе подтверждается изъ свѣтскихъ книгъ Киропедіей, а изъ священныхъ — книгою Есеири, въ которой говорится о 127 сатрапахъ (1, 1); — небольшое различіе въ числѣ сатрапій

рапій изъясняется прибавленіемъ къ царству новыхъ завоеванныхъ областей, а вмѣстѣ съ этимъ тоже самое различіе не позволяетъ предполагать заимствованіе писателя нашей книги изъ книги Есеири. Указаны въ книгѣ Даниїла многіе и другіе чиновники (въ 3 и 6 гл.): замѣчательны ихъ названія или титулы, и именно въ томъ отношеніи, что а) они отчасти изъясняются изъ языковъ Персидскаго и Арамейскаго, и что в) въ Мидо-Персидскомъ царствѣ является въ употребленіи большая часть титуловъ, и слѣдовательно должностей, — собственно халдейскихъ. Первое естественно должно было произойти отъ близкаго сродства Халдейскаго языка съ Арамейскимъ и Персидскимъ; отсюда и многія собственно имена Вавилоно-Халдейскія изъясняются также изъ Арамейскаго или Персидскаго. Второе естественно же произошло отъ того, что побѣдители, Мидо-Персы, заняли полное развитіе государственнаго устройства у побѣжденныхъ Вавилонянъ; почему и въ книгѣ Ездры и Нееміи встрѣчаютъ нѣкоторые титулы чиновниковъ персидскихъ — также собственно халдейскіе (см. объ этомъ у Herzsternberg стр. 347—349) (*) съ осо-

(*) Вообще объ изображеніи въ книгѣ Прор. Даниїла государственнаго устройства, отзывается даже Гезеній такъ: „Поелику порядки Ассирійскаго, Вавилонскаго и Персидскаго царствъ очень сродны; поелику, притомъ, содержащаяся въ кн. Есеири изображенія персидскаго двора, отъ которыхъ изображенія кн. Прор. Даниїла всегда существенно отступаютъ и также поелику наконецъ (мимоходныя, но современныя) указанія Иереміи согласны съ кн. Даниїла во многыхъ случаяхъ: то свѣдѣнія въ

бенною обстоятельностью и особенно-замѣчательною точностью въ книгѣ Даниила говорится о *мудрыхъ*, или о жреческой кастѣ. Общее имя членовъ этой касты, въ нашей книгѣ есть חַשְׁמִיּוֹת *hashimim хахиминъ*; такое названіе ихъ мы находимъ уже у Исаи (44, 25) и у Іереміи (50, 35). Предстоятель каждаго изъ особыхъ классовъ ея называется כְּנִיזֵי דָנִיֵּאל *Даниилъ*, какъ начальникъ или *глава* всего цѣлаго, названъ симъ именемъ съ прибавленіемъ предъ нимъ בַּל. Имя: חַשְׁמִיּוֹת дѣйствительно употреблялось у Вавилонянъ о предстоятелѣ; какъ свидѣтельствуеъ Берозъ и Аберозъ и Атены (XIV, 44), гдѣ приведено самое это имя по греческому произношенію Ζωγανης. Начальникъ всей касты мудрыхъ имѣлъ великую свѣтскую власть: такъ, по словамъ 48 ст. 2 гл. разсматриваемой нами книги, начальникъ мудрыхъ Даниилъ былъ поставленъ также и надъ всею страню Вавилонскою и только по его особенной просьбѣ, это поручено было его товарищамъ. О такомъ значеніи главы всей касты есть два вѣдѣніихъ свидѣтельства. Діодоръ Сицилійскій (11, 24) сказываетъ, что Велесъ, который отнялъ Вавилонъ у Ассиріанъ, былъ верховнымъ начальникомъ жрецовъ, и вмѣстѣ *правителемъ* города и области вавилонской (*). Между классами касты

послѣдней, которая сверхъ того имѣютъ въ свою пользу—аналогію всего востока, не должны быть отвергаемы Encyclop. von Ersch u Gruber 16, p. 108.)

(*) Также, по сказанію Іереміи (39, 3. 13), глава жрецовъ былъ, какъ и выше б. говорено, однимъ изъ первыхъ государ-

въ книгѣ Даниила поставлены, какъ особый классъ, халдеи (11, 2.); о нихъ, какъ составляющихъ отдѣльный классъ мудрыхъ въ Вавилонѣ, свидѣлствуютъ Курцій и Лукрецій (l. v); и само собою понятно, почему они въ нашей книгѣ указываются по преимуществу (11, 4. 5. 10) между мудрецами;—это потому, что халдеи были въ то время господствующимъ народомъ вавилонской монархіи и слѣд. мудрецы ихъ, которые соединились въ одну касту съ прежними вавилонскими мудрецами, но съ удержаніемъ за собою національнаго названія *халдеевъ*, должны имѣть преимущественное предъ другими значеніе. Обученіе юношей въ этой кастѣ, о которой наша книга упоминаетъ по отношенію къ Даниилу и тремъ отрокамъ (въ 1 гл.),—дѣйствительно было по свидѣтельству Плинія (hist nat. IV, 26) и Страбона (16, 1).—Занятія, свойственныя званію, мудрецы вавилонскіе имѣли цѣлымъ обществомъ, а не въ отдѣльности другъ отъ друга, какъ видно изъ 2 и 5 гл.; съ этимъ согласно показаніе Діодора (см. gesen sis. II, p. 352); и по Птоломею, халдеи всегда наблюдаютъ надъ небомъ цѣлымъ обществомъ, и никогда не видно одного изъ нихъ въ отдѣльности. Роды ихъ занятій, исчисленныхъ въ книгѣ нашей, также всѣ засвидѣствованы или священными или свѣтскими писателями: одни изъ мудрыхъ по книгѣ Даниила *дѣлали заклятія*,

---

своихъ сановниковъ и сочленомъ высшаго правительства, имѣя соответственное этому правительственное поприще занятій.

о нихъ это свидѣтельствуяютъ и Исаія, а изъ свѣтскихъ—Діодоръ, Лампрідій; другіе производили *очарованія*,—указаніе на это есть также у Исаія; за тѣмъ были *опредѣлители или изъяснители судьбы*,—извѣстна всѣмъ халдейская судьба (по звѣздамъ); наконецъ были *истолкователи* вообще тайнъ, какъ-то въ особенности сновъ, таинственныхъ писемъ—тоже говоритъ о мудрецахъ Вавилона (именно объ истолкованіи ими сновъ) и Діодоръ Сицилійскій.

Такое богатство свѣдѣній о порядкѣ вещей въ Халдейскомъ и отчасти Мидо-Персидскомъ царствѣ, не встрѣчающееся ни у одинаго писателя древности, есть поразительнѣйшее доказательство происхожденія книги нашей не только не въ Маккавейскія времена, но и въ вѣкъ Даніила—ни отъ кого другаго, кромѣ лица, знающаго съ точностію организацію правительства и въ особенности касты мудрецовъ,—каковъ именно Даніилъ. Невѣжественно предполагать такія свѣдѣнія въ Іудеѣ Маккавейскаго времени, который говорилъ невѣрно и о современномъ ему сенатѣ римскомъ, не смотря на то, что Римляне уже замѣтно шли ко всемірному владычеству. — Предположеніе: Не изучилъ ли писатель нашей книги для вѣрнѣйшаго успѣха своего подлога въ ветхо-завѣтныхъ книгахъ, все относящееся къ халдеямъ?—Такое предположеніе опровергается тѣмъ, что свѣдѣнія о халдейскихъ нравахъ и государственномъ устройствѣ, заключающіяся въ книгѣ Даніила, много обширнѣе области историческихъ замѣчаній о халдеяхъ всѣхъ прочихъ священныхъ

книгъ. Для достиженія ихъ требовалось-бы сообразить и изучить вмѣстѣ съ священными и всѣ языческія о нихъ свидѣтельства, — собрать стовсюду о нихъ извѣстія и преданія,—критически все разсмотрѣть, и ни въ чемъ не ошибиться.... За всѣмъ этимъ слѣдовало еще собранныя историческія свѣдѣнія размѣстить и разсѣять въ книгѣ такъ, чтобы это казалось совершенно ненамѣреннымъ дѣломъ, и чтобы, для соображенія ихъ, нужно было изучать книгу... Если такое предположеніе настолько до несбыточности, не говоря о несовмѣстности того съ духомъ древнимъ, то необходимо, чтобы и писатель принадлежалъ тому времени и мѣсту, гдѣ и когда былъ такой порядокъ, и изображалъ въ книгѣ видѣнное имъ самимъ. И кромѣ того, онъ долженъ быть при самомъ средоточіи государственныхъ отправленій, или по крайней мѣрѣ быть въ ближайшихъ отношеніяхъ и къ народу, и къ правительству (*), чтобы отчетливо знать образъ движенія двигателей и составъ великой государственной машины Вавилона. Требовалось въ особенности быть близкимъ или приснымъ съ мудрецами,—дабы знать степени и классы этой касты, приготовленіе къ ея должностямъ, различныя роды ихъ занятій. Это тѣмъ болѣе, что мудрость востока древняго не была любопытна и сокрывалась отъ непосвященныхъ. Во всемъ этомъ лице

(* По тогдашнему порядку вещей послѣдніе тоже, что быть однимъ изъ государственныхъ сановниковъ.—

Пророка Даниила, какъ говорить о немъ исторія, ясно обозначается.

Перейдемъ къ другой сторонѣ содержанія книги Даниила къ пророчествамъ.

Въ пророчествахъ Даниила обратимъ вниманіе прежде всего на то, что болѣе всего смущаетъ оспоривателей подлинности и что, дѣйствительно, наиболѣе въ нихъ поразительно. Отъ времени Даниила по смерть Антиоха Епифана, Пророкъ пишетъ точно исторію будущихъ политическихъ событій—последовательно, точно и подробно; недостаетъ только собственныхъ именъ. Онъ указываетъ смѣну царствъ вавилонскаго персидскимъ, а персидскаго, послѣ четырехъ только его царей, греческимъ, — всемірное почти преобладаніе Греческаго царя (Александра, какъ можно понять), — раздѣленіе послѣ него греческаго царства, и то не между дѣтьми его, на четыре отдѣльные царства; изъ этихъ послѣднихъ имѣетъ въ виду въ особенности два царства—такъ названныя у него—сѣверное и южное (по обстоятельствамъ ихъ видно, что это Ново-Сирійское и Египетское царство) и слѣдитъ борьбу между ними до мелкихъ подробностей, преемство ихъ царей—сраженія, побѣды, браки изъ политическихъ видовъ, въ особенности обстоятельства и дѣла послѣдняго сѣвернаго царя (Антиоха Епифана). Въ примѣрѣ подробностей можно указать, что у Пророка, при изображеніи одной побѣды южнаго царя надъ сѣвернымъ, опредѣлено и число убитыхъ въ войскѣ послѣдняго (10,000, см. XI, 12), или еще указаны два царя—послѣдній сѣверный и южный

за однимъ столомъ бесѣдующими, однако злоумышляющими другъ на друга (XI, 27). И все это вполне согласно съ исторією, по мнѣнію невѣдающаго разума Божіей истины, такого рода пророчества должны быть не болѣе, какъ исторія миновашаго, только изложенная въ формѣ пророчествъ. Но чрезвычайный до чудесности характеръ излагаемыхъ въ книгѣ Даниила свѣдѣній о судьбѣ царствъ: Персидскаго, Александрова, Птолемеевъ, Селевкидовъ, открывается и въ такомъ случаѣ, если судить и по началу вѣроятности для разума, проще изясняется при извѣстности происхожденія книги отъ Пр. Даниила, нежели при произвольномъ предположеніи о появленіи этой книги уже въ вѣкѣ Маккавеевъ. Такое обширное и точное познаніе вышней исторіи, и въ последовательномъ ея ходѣ, въ продолженіе 370 лѣтъ, и во многихъ подробностяхъ событій, которыя притомъ большею частію не имѣютъ видимаго или непосредственнаго соприкосновенія къ избранному народу, это проицательное и вѣрное разумніе политики и характера разныхъ царей—словомъ все, что находимъ въ книгѣ Даниила, — какъ все это предположить и изяснить въ іудей Палестинскомъ Маккавейскаго времени, когда самъ Іуда Маккавей обнаруживаетъ, какъ мы видѣли, историческое невѣдѣніе о близкихъ событіяхъ и отчасти о тѣхъ же самыхъ лицахъ (напр. Антиохъ вел.)? Что касается даже ближайшаго царя Сирскаго Антиоха Епифана — сдѣлать сжатый очеркъ его дѣлъ и судьбы, разгадать эту увертливую и

темную личность тотчас послѣ его смерти (*) естественно ли, и въ особенности іудею тѣхъ временъ? Для этого требовалось бы не только знать уже всю его жизнь, всё его запутанныя въ козняхъ движенія и замыслы, но и обсудить все спокойно, сообразить въ цѣломъ и частяхъ все его поприще. Но іудею, подавленному страшнымъ гнѣтомъ мучительства Антиохова, была ли возможность, и до того ли было, чтобы слѣдить за всѣми извилинами дѣлъ и отношеній его къ Египту къ Грекамъ, къ Риму? Опять по смерти мучителя, въ первыхъ ощущеніяхъ избавленіе отъ такого бича Божія. іудею изслѣдовать и обобщать его пути не только относительно избавленія своего народа, но столько же относительно и другихъ, разгадывать вообще его душу и политику, опредѣлить все это съ точностію, совмѣстно ли это съ вѣроятнымъ порядкомъ вещей? Сдѣлать судъ объ эпохѣ и главныхъ въ ней дѣятеляхъ, исторія вообще можетъ не вдругъ. Но нѣтъ мѣста подобнымъ невѣроятностямъ при происхожденіи книги отъ Боговдохновеннаго Даниїла: Богу отъ вѣка извѣстно все, и во всѣхъ событіяхъ раскрывается и осуществляется вѣчная міроправительная Его мысль, которая въ пророчествахъ открываетъ себя для того, чтобы вѣра безошибочно могла услѣдить ее въ самыхъ событіяхъ. —

(*) Ибо его смертію кончается исторически - точная часть пророчествъ (въ X и XII гл.) и затѣмъ говорится о томъ, что уже несколько не оправдывается Сиро-Египетскою Исторіею, относясь къ раскрытію Христовой благодати и славы.

Замѣчательно еще въ пророчествахъ Даниїла, что, по исторически-точномъ указаніи на смерть послѣдняго сѣвернаго царя, или Антиоха Епифана, представляется, какъ непосредственно слѣдующее за этимъ воскресеніе мертвыхъ и вѣчная жизнь (въ XII гл.). При происхожденіи книги отъ Пророка Даниїла — это понятно. Пророкъ видѣлъ въ будущемъ крайнія опасности Церкви (особенно отъ Епифана Антиоха), увидѣлъ избавленіе ея отъ нихъ — это побѣдоносное дѣйствіе Главы Церкви — Христа: свойственно и близко было ему возвести взоры ко Христу, торжествующему уже падъ всѣми врагами, или, что тоже, возрѣть на открытый свѣтъ будущей жизни. Подобное замѣчается во всѣхъ пророчкахъ. Напротивъ, при предположеніи появленія книги во время Маккавеевъ, по смерти Антиоха, — какъ изъяснить, и какъ даже подумать, чтобы среди обыкновеннаго порядка вещей, при отсутствіи всякой чрезвычайности въ теченіи обстоятельствъ, современный іудей, съ изумительною (до необъяснимости) проницательностію слѣдящій за событіями, проповѣдовалъ наступленіе уже будущей жизни, открытіе уже вѣчнаго блаженства! Ибо въ книгѣ тотчасъ, по сказаніи о смерти мучителя, начинается рѣчь о вѣчной жизни такими словами: «въ сіе-то время» и пр.

Въ пророчествахъ нашей книги наконецъ достойна вниманія та рѣзкая особенность, что въ нихъ раскрываются событія съ точки зрѣнія религиозно-политической. Ни въ одной изъ всѣхъ пророческихъ книгъ не поставляются въ столь открытомъ видѣ

политическія судьбы и перевороты міра. Видно, что священный писатель былъ мужъ государствен- ный; ибо божественныя откровенія всегда сообразны съ свойствами пріемлющаго ихъ органа. Сами против- ники говорятъ, что мнимый современникъ Маккавеевъ, въ этомъ отношеніи удивительно какъ вошелъ въ сферу и характеръ Прор. Даніила (Sviesinger p. 14). То же должно сказать о духовномъ любовѣ- дѣніи, обнаруживающемся въ немъ при открове- ніяхъ пророчествъ; оно также свойственно тому мужу, кого Іезекиль представляетъ мудрецомъ изъ всѣхъ мудрецовъ. — Въ нѣкоторыхъ частныхъ чер- тахъ откровеній видѣнь также отбѣнокъ вавилон- скій; напр. идея *бодрого* или *божцаго* (4, 19), вы- раженная Навуходносоромъ при разсказѣ проро- чественнаго его сна о посѣченіи величественнаго дерева, идея нигдѣ болѣе въ такомъ видѣ не встрѣ- чающаяся въ Ветхомъ Завѣтѣ есть представленіе, сродное съ называемымъ θεός Βαβυλῶνος Вавилонянь. Ибо Божественная истина не чуждается никакихъ формъ, только бы съ одной стороны онѣ къ ней точно приходились, а съ другой она въ нихъ бы- ла бы болѣе доступна людямъ.

Такимъ образомъ содержаніе книги и историче- ское и пророчественное, — вообще таково, что ука- зываетъ на современность писателя вавилонскому плѣну, на мѣстопробываніе его въ Халдеѣ, на го- сударственное его значеніе, на принадлежность его къ сословію мудрецовъ, словомъ, на всѣ черты ли- ца Даніилова. Такое содержаніе книги сколь про- сто и удобно изъясняется при происхожденіи книги

отъ Даніила, столь неизъяснимымъ и даже не есте- ственнымъ представляется при предположеніи по- явленія оной въ книгѣ Маккавеевъ.

Образъ раскрытія предметовъ и духъ всей книги также служатъ къ подтвержденію ея подлинности.

Въ раскрытіи и изображеніи предметовъ нужно различать двѣ стороны, историческую и пророче- скую. Историческія сказанія — это простой есте- ственный разсказъ обозначается обыкновенно вре- мя событій — бывшихъ въ Іерусалимѣ и Іудеи — по годамъ царя іудейскаго (1, 1), а въ Хал- деи случавшихся по годамъ вавилонскихъ царей (черезъ все продолженіе книги). Объ лицахъ повѣ- ствуется, кто они — по значенію или происхожде- нію, указываются иногда съ опредѣленностію и возрастъ ихъ жизни (напр. V, 31). Самыя собы- тія и дѣла разсказываются въ томъ послѣдователь- номъ порядкѣ и съ тѣми чертами, какъ они проис- ходили; сказанія подобны чистому зеркалу, от- ражавшему дѣйствительность со всею ея живостию, и болѣе ничего. Тоже видно и въ исторической ча- сти самыхъ откровеній: время ихъ опредѣляется тою же точностію, — всѣ ихъ обстоятельства ра- скрываются въ формѣ такого же безыскусствен- наго разсказа. Вообще при чтеніи всей книги, не встрѣтите въ историческомъ раскрытіи предметовъ ни одной черты, обличающей искусственность под- дѣлавшагося писателя: все просто и естественно, какъ сама истина.

Что же касается собственно до пророчествен- наго характера книги Даніила, надобно сказать, во

1-хъ, что здѣсь нѣтъ ни возвышенныхъ созерцаний Исаи, ни разнообразныхъ потрясающихъ движеній и порывовъ чувства Іереміи, ни таинственности и поразительной яркости пророчествъ Іезекіиля. Въ пророчествѣ Даниила, по отношенію къ изображенію ихъ, рѣшительно нѣтъ ничего пѣтческаго и ораторскаго; онъ раскрываетъ просто и прямо, въ чемъ дѣло; въ описаніи даже поразительнѣйшихъ видѣній видна у него одна точность разсказа. Особенность, свойственная именно такому Пророку, котораго личнымъ достоинствомъ были—духовное любовдѣніе и точность! Ибо не разъ извѣдано уже нами, что отличительный характеръ той или другой св. книги опредѣляется личными свойствами Боговдохновеннаго писателя, подобно какъ характеръ звуковъ музыки — свойствами инструмента, на которомъ играетъ музыкантъ.

Во 2-хъ, въ образѣ откровеній у Даниила, какъ и у Іезекіиля, находившагося въ вавилонскомъ плѣну, и у Захаріи, только что возвратившагося изъ Вавилона,—господствуетъ символизмъ (хотя символы нашей книги сейчасъ же и изъясняются съ точностію); и въ этой символикѣ видимъ такой вкусъ, который любитъ и выбираетъ образы, поражающіе своею колоссальностію или странностію: вспомнимъ видѣніе огромнаго тѣла, состоящаго изъ разно-металлическихъ частей и разбиваемаго камнемъ, который въ свою очередь возрастаетъ до того, что наполняетъ собою всю землю,—или видѣніе чудовищныхъ звѣрей со многими рогами, изъ которыхъ живые пропадаютъ, другой возрастаетъ и начи-

наетъ поражать прочихъ, и т. д. Символы, взятые изъ царства животныхъ, особенно употребительны у Пророка (въ 7 и 8 гл.). Но символика, со стремленіемъ къ чудесному, принадлежитъ именно древнему Вавилону. На открываемыхъ памятникахъ вавилонскихъ находятъ множество звѣрей, подобныхъ Данииловымъ, представленныхъ въ самыхъ фантастическихъ видахъ. Замѣчательна притомъ та черта Данииловой символики, что напр. въ символѣ Персидскаго царства у него взятъ Овенецъ, который дѣйствительно былъ священнымъ символомъ Персовъ. — Во всемъ этомъ опять ясное и прямое указаніе на время и обстоятельства именно Даниила! Онъ получилъ образованіе, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ формѣ, вавилонское, жилъ въ Вавилонѣ и наконецъ подъ владычествомъ Персовъ; представленія и впечатлѣнія вавилонскія и персидскія сроднились съ его душою, а вдохновенія и Божественныя откровенія не могли не соответствовать съ характеромъ преобладающей ихъ души. Не говоримъ уже о Навуходносорѣ, которому было дано откровеніе будущаго въ формахъ и представленіяхъ, ему родныхъ. Между тѣмъ отъ іудея Маккавейскаго времени нельзя ждать, чтобы онъ даже зналъ эту особенность вавилонскаго представленія; не говоря уже о томъ, какъ онъ догадался и такъ ловко умѣлъ поддѣлаться подъ нее.

Самый духъ книги и возрѣнія писателя на вещи, не соответвуютъ Маккавейскому времени, но относятся къ далеко раннему времени. Ибо, съ одной стороны, является здѣсь теократія, или

непосредственно Божественное правленіе еще въ живой дѣйствительности, а не какъ уже одно почти преданіе, каково оно представляется въ вѣкъ Маккавейскій. Въ сказаніяхъ Даніила еще слышанъ Богъ, ходящій по временамъ ощутительно въ своей Церкви, хотя уже не по само-древнему. Здѣсь онъ является не только своимъ избраннымъ, но и язычникамъ, хотя уже не такъ, какъ на пр. при Авраамѣ; здѣсь Ангелы имѣютъ видимое общеніе съ праведникомъ, хотя опять далеко уже было не то, что при патріархахъ; разность въ сихъ случаяхъ та, что явленіе Бога и Ангеловъ прежде было ближе къ обыкновенному, привычному ходу жизни, а теперь оно, какъ уже въ высшей степени необыкновенное, поражаетъ чрезвычайнымъ трепетомъ самыхъ праведниковъ, потрясающимъ до болѣзни. Въ вѣкъ, изображаемомъ книгою Даніила, есть еще Пророкъ, хотя уже съ любовью и любознательностію мудреца, не видными съ такою поразительностію въ прежнихъ пророкахъ. При соображеніи съ историческимъ ходомъ и порядкомъ теократіи, Богоявленія и Богооткровенія книги Даніила оказываются послѣднимъ, естественно входящимъ въ общую цѣпь звѣномъ ветхо-завѣтной живой теократіи: они, вмѣстѣ съ современными отчасти имъ откровеніями у Ездры и у трехъ послѣднихъ пророковъ, составляютъ послѣднее изъ непосредственныхъ и открытыхъ распоряженій Бога въ церкви ветхо-завѣтной. Для Маккавейскаго времени между тѣмъ уже совсѣмъ прекратилось непосредственное Бо-

жественное откровеніе; открытая, живая теократія для нихъ уже существуетъ только почти въ воспоминаніи и въ преданіи вѣры. Самое представленіе о ней уже не точно и не имѣетъ надлежащей свѣтлости и живости; потому что живая дѣйствительность теократіи условливалась неоскудѣвшими въ человѣкѣ остатками первобытной пріемлемости къ Божественному свѣту, и слѣдственно эта пріемлемость оскудѣвала и истощалась, столько теократія минувшаго времени становилась, относительно своей живой дѣйствительности, уже непонятною и чуждою для самаго ветхо-завѣтнаго вѣрующаго. Неканоническія ветхо-завѣтныя сказанія—тому очевидное доказательство: они составляютъ опытъ, въ которомъ вѣрующій усиливался, но не успѣвалъ ниолнѣ перенестись въ открытую теократію, схватывая одинъ почти ея духъ; въ книгѣ Товитъ напр. еще представляется видимое общеніе человѣка съ міромъ горнимъ, но уже не столько по воспоминаемому ветхо-завѣтному порядку, сколько по предощущаемому новозавѣтному, и при чтеніи этой книги, кажется, будто читаешь отрывокъ изъ нашихъ житій Святыхъ, кромѣ внѣшнихъ указаній на ветхо-завѣтныя вѣрованія и обычаи.... По соображеніи такого характера времени Маккавейскаго съ сказаніями книги Даніила открывается, что послѣднія никакъ нейдутъ къ первому, и что къ теократическимъ воззрѣніямъ книги никакъ неудобно и поддѣлываться въ вѣкъ Маккавейскій. Съ другой стороны въ книгѣ Даніила не видно у іудеевъ ри-

горизма, а у язычниковъ фанатизма—Маккавейскаго времени. Между вѣрующими и язычниками въ вѣкъ Маккавеевъ было такое рѣшительное раздѣленіе и вражда, что власти языческія (рѣчь объ Антиохѣ Еп.) стремились звѣрствомъ подавить вѣру іудеевъ, а эти на животь и на смѣрть возстали противъ язычниковъ. Напротивъ въ книгѣ Даниила Пророкъ Іудейскій есть государственный сановникъ языческаго царства, начальникъ сословія мудрецовъ языческихъ; цари языческіе хотя и бросали въ разженную печь вѣрующихъ, но по мнимоу оскорбленію самовластиа, а не прямо за вѣру, которой самой по себѣ отдавали справедливость тѣ же самые цари; они воспитывали іудеевъ,—всповѣдывали славу Іеговы и пр. Во время Маккавеевъ іудеи согласились скорѣе беззащитно умереть отъ враговъ, чѣмъ нарушить внѣшній обрядовой законъ субботы. Но Даниилъ въ первый мѣсяць, во дни Пасхи постится и сѣтуетъ о бѣдствіяхъ народа. Еще Пророкъ окруженъ однако же блескомъ двора, и удостоивается откровеній между занятіями государственными. Какъ это согласить съ требованіями внѣшней строгости, по которымъ въ Маккавейское время уже стало извѣстно имя фарисея? Между тѣмъ ко времени и положенію Даниила совершенно идетъ все это, что не сообразно съ вѣкомъ Маккавейскимъ. Вспомнимъ, напр., что еще Іеремія велѣлъ плѣнникамъ вавилонскимъ молиться за поработителей; такъ онъ же испытывалъ на себѣ и покровительство язычниковъ. И такъ странно и непонятно было

бы, чтобы іудей Маккавейскаго времени написалъ книгу по направленію и духу рѣшительно не своего времени, а по такимъ, которыя относятся къ раннему времени. Не говоря о несбыточной искусственности подобнаго подлога, чрезъ это онъ вооружилъ бы противъ своей книги современниковъ, которыхъ вниманіе и уваженіе къ ней усиливался пріобрѣсти подлогомъ.

Наконецъ языкъ книги представляетъ также убѣдительный внутренній признакъ ея подлинности. Книга Даниила писана отчасти по Еврейски, отчасти по Сирохалдейски или Арамейски. При происхожденіи книги отъ Даниила въ извѣстномъ его отношеніи къ халдеямъ, понятно, почему это такъ сдѣлано имъ—одна и та же книга писана на двухъ діалектахъ: часть книги имѣла приложение и къ халдеямъ, и она написана по халдейски, — другая часть назначена изъ современниковъ единственно для іудеевъ, и она писана по Еврейски. Но непонятная странность видна была бы въ писателѣ вѣка Маккавеевъ изъ того, что онъ сначала сталъ писать по Еврейски, далѣе вдругъ ни съ того, ни съ другаго, — какъ выражаются, перемѣняетъ рѣчь на діалектъ халдейскій, наконецъ опять пишетъ по Еврейски. Странность въ поддѣльвателѣ тѣмъ неожиданнѣе и неизяснимѣе, что она, какъ странность, ослабляла бы поддѣльное достоинство книги, и слѣд. прямо противорѣчила бы его намѣренно. Это первое!

Далѣе, Даниилу не было никакого затрудненія употребить разные діалекты въ книгѣ, когда это

было нужно. Еврейскій языкъ былъ ему, какъ и другимъ іудеямъ, природный; халдейскій былъ столь долго въ употребленіи у него и всего іудейскаго народа въ плѣну вавилонскомъ. Слѣдовательно по отношенію и къ нему самому и къ другимъ іудеямъ, не было никакого неудобства, на какомъ бы діалектѣ онъ не писалъ книгу, со всѣмъ иное для іудея, Маккавейскаго вѣка! Послѣ плѣна вавилонскаго чистый Еврейскій языкъ болѣе и болѣе вытѣснимся изъ употребленія у іудеевъ халдейскимъ. Уже въ книгѣ Ездры Еврейскій языкъ далеко не имѣетъ прежней чистоты, перемѣшиваясь съ халдеизмами, есть цѣлыя сказанія и приводятся государственные документы — на халдейскомъ. По свидѣтельству талмудистовъ и другихъ іудейскихъ писателей чистый Еврейскій языкъ, послѣ плѣна, становился уже болѣе и болѣе предметомъ изученія, или ученаго, а не живаго употребленія. Зависимость же іудеевъ отъ Сирійскихъ царей должна была тѣмъ рѣшительнѣе содѣйствовать упадку Еврейскаго языка и перевѣсу надъ нимъ сирохалдейскаго въ живомъ народномъ употребленіи. Слѣдовательно употребленіе въ книгѣ Еврейскаго языка было бы, въ это время, прямымъ препятствіемъ къ тому, чтобы сдѣлать книгу всеобще-употребительною. Какъ поддѣльвателю могло придти въ голову написать на Еврейскомъ, доступномъ только для нарочито изучающихъ сей языкъ, — и притомъ написать ту часть книги, которая собственно и была назначена для дѣйствія на современниковъ (часть про-

рочественную)? Или развѣ не подражалъ ли онъ въ этомъ древнимъ священнымъ писателямъ для вѣрнѣйшаго успѣха подлога? Но для этого и вовсе не слѣдовало бы ему писать по халдейски, между тѣмъ у него написана на этомъ діалектѣ цѣлая половина книги. — Притомъ еще знатоки халдейскаго языка находятъ въ Арамейской рѣчи книги Даніила такія особенности, которыя встрѣчаются въ Арамейскихъ отрывкахъ книги Ездры, но которыми обѣ сіи книги разнятся отъ таргумовъ, столько же и древнѣйшихъ, какъ позднѣйшихъ (о языкѣ см. Hengstenberg 237—311); и отсюда справедливо заключаютъ, что въ книгѣ Даніила халдейскій діалектъ сколько соответствуетъ времени Даніила, столько несоответствуетъ позднѣйшему времени.

Отъ столь многоразличныхъ и многостороннихъ внутреннихъ признаковъ подлинности книги перейдемъ къ внѣшнимъ ея доказательствамъ. Первое: выше было указано нами свидѣтельство Іезекіиля о Даніилѣ, какъ великомъ праведникѣ—ходатаѣ за грѣшный народъ и безпримѣрномъ мудрецѣ. При соображеніи съ этимъ свидѣтельствомъ содержанія книги Даніила, мы видѣли въ послѣдней какъ бы оправданіе этого свидѣтельства жизнью и значеніемъ Пророка Даніила. Къ этому можно прибавить еще то, что книга справедливо можетъ быть признана за достойное и полное выраженіе Богданной мудрости Даніила: тайны духа челоувѣческаго, даже не сознаваемые и имъ самимъ (въ Навуходоносорѣ), тайны будущихъ временъ въ

ихъ опредѣленной точности, тайны Божіи вѣдомы Даниилу по его книгѣ. Отсюда свидѣтельство Іезекіиля о Даниилѣ есть вмѣстѣ (конечно не прямое) свидѣтельство и о его книгѣ, — о ея исторической достовѣрности—по соотвѣтствію ея за свидѣльствованной Іезекіилемъ духовной высотѣ и достоинству Даниила.

Второе: книга помѣщена въ священномъ канонѣ, и хотя въ разныхъ спискахъ и разныхъ мѣстахъ, но всегда съ именемъ Даниила. Пренебрегать этимъ показаніемъ подлинности, значить пренебрегать свидѣтельствомъ собирателей и издателей священныхъ книгъ, которыми, по Флавію, могли быть только пророки, и изъ которыхъ послѣдніе, по преданію, принимаемому и Христіанскою церковію, были за долго до Маккавейскаго времени, даже отчасти современные Даниилу, — Ездра съ помощниками, — значить вовсе пренебрегать преданіемъ церковнымъ и свидѣтельствомъ историка іудейскаго, который, кромѣ означеннаго выше показанія, опредѣленно говоритъ, что позднѣе вѣка Ездры выходившія писанія не были уже уважаемы наравнѣ съ древними, какъ не имѣвшія уже, видно, достоинства книгъ Боговдохновенныхъ (*); — значить потому—не вѣрить въ промыслъ Божій даже

(*) Изъ предисловія книги Сираха видно, что священныя книги уже составляли такое опредѣленное руководство Божественной истины, которое оставалось только изучить и преподавать другимъ: слѣд. это былъ уже окончанный канонъ св. книгъ Ветхаго Завета.

и надъ самою церковію Божіею, — столпомъ и утвержденіемъ истины, такъ что будто и ей самой могли быть даны ложныя опоры—поддѣльныя книги; — наконецъ значить, съ пренебреженіемъ такихъ и историческихъ и священныхъ показаній, строить свои чисто произвольныя предположенія о выходѣ и канонизаціи книгъ, и слѣд. поступать противъ требованій и добросовѣстности самой науки.

Третье: Флавій повѣствуетъ, что Александръ Великій, по взятіи Тира, былъ и въ Іерусалимѣ, — и здѣсь, пророчествомъ Даниила, именно о разрушеніи Персидской монархіи Греческимъ царемъ, былъ убѣжденъ оставить іудеямъ право жить по ихъ отеческимъ законамъ, освободить ихъ отъ податей въ субботніе годы, и только обѣщаніями склонялъ нѣкоторыхъ добровольно вступить въ его службу. Свидѣтельство подтверждается, во 1-хъ, и своею внутреннею историческою сообразностію. При осадѣ еще Тира, Александръ требовалъ отъ іудеевъ вспоможенія и получилъ отказъ, а потому шель гнѣвно на Іерусалимъ: слѣдовательно потребны были особенно сильныя способы не только усмирить раздраженнаго завоевателя, но и такъ сильно расположить его къ іудеямъ. Къ такимъ способамъ и относятся точныя указація на него въ книгѣ Пр. Даниила. Во 2-хъ, о походѣ Александра на Іудею, и потомъ о бытіи въ его войскѣ іудеевъ, свидѣтельствуемъ и языческій писатель—Гекатей; о покорности ему Іудеи—Арріанъ (1. 11 р. 150: καὶ ἦν αὐτῷ τὰ μὲν ἄλλα τῆς Παλαιστίνης

καλεμένης Συρίας πρὸς τὴν βῆρυτα ἤδη; о личномъ его пребываніи во Іудей, кромѣ Флавія, говоритъ Арабскій писатель Макрицій (см. schlosser weltgess. I р. 170.) и замѣчаетъ въ своей натуральной исторіи Плиній (hilt nat. 12, 26). Прочія обстоятельства, рассказанныя Флавіемъ, согласны съ извѣстнымъ характеромъ Александра, — благороднымъ, доступнымъ для внушеній истины и великодушнымъ. И такъ нѣтъ ничего, ослабляющаго историческую достовѣрность рассказа Флавія объ Александрѣ. Слѣдовательно книга Давіила еще до Маккавеевъ существовала, и какъ содержащая подлинныя пророчества Давіила, имѣла благотворное вліяніе на дѣла великаго завоевателя и на судьбу іудеевъ.

Четвертое: Александрійскій переводъ Ветхаго Заѡѡта вообще, и нашей книги въ особенности, есть новая порука за ея подлинность. Если бы и можно было согласиться на то, что въ Александріи были переведены не вдругъ всѣ священныя книги Ветхаго Заѡѡта, и даже, что книга Давіила, какъ мѣнѣе другихъ исправно переведенная, принадлежитъ позднѣйшему переводу: то тѣмъ не менѣе изъ перевода самыхъ первыхъ св. книгъ именно пятокнижія, уже видна извѣстность переводчикамъ нашей книги. Изъ чего же это видно? Во второзаконіи въ 32-й главѣ 8 ст., по переводу 70-ти выражена идея объ Ангелахъ народовъ, — идея не только неподдаваемая подлиннымъ текстомъ сего мѣста, но вообще нигдѣ въ Ветхомъ Заѡѡтѣ невидная, кромѣ книги Давіила. Въ этой же послѣдней она представлена въ самой своей

духовной дѣйствительности: такъ что разные народы представляются подъ управленіемъ — каждый — своего духовнаго князя и потому вѣрно слово: «поставлены предѣлы народовъ по числу Ангеловъ Божіихъ.» Такое рѣзкое сходство переводнаго мѣста съ книгою Пр. Давіила, и сходство притомъ въ мысли, столь важной и величественной во всемъ Ветхомъ Заѡѡтѣ, только этой книгѣ принадлежащей (*), показываетъ, что толковникамъ уже была извѣстна Давіилова книга и служила для нихъ, руководствомъ. Это тѣмъ болѣе, что избранными изъ іудеевъ, каковы были эти толковники, не могла быть и допущена въ составъ Слова Божія идея, не основанная на Библейскомъ авторитетѣ. Слѣдовательно уже въ началѣ Александрійскаго перевода (ибо пятокнижіе во всякомъ случаѣ, и по общему признанію самыхъ даже придиричивыхъ критиковъ, было переведено при Итоломѣѣ Филадельфѣ) книга Давіила уже существовала и признавалась самими переводчиками за не подложную книгу Слова Божія. Притомъ, переводъ самой книги Давіила въ Александріи, по крайней мѣрѣ въ настоящемъ своемъ видѣ, долженъ принадлежать къ времени послѣ Епифана: ибо, вообще свободный переводчикъ сей книги иногда

(*) Мы здѣсь не касаемся вопроса, исполни ли ясно и вѣрно 70-ю толковниками понята мысль книги Давіила; извѣстно, что они иногда и несовсѣмъ точно разумѣли мысль того или другаго мѣста въ Еврейскомъ текстѣ; напр. во 2 Псал. мысль подлинника: „любите сына“, съ любовью примите сына, 70 перевели: *примите наказаніе.*

дозволяетъ себѣ опредѣленно выражать общія указанія подлинника на обстоятельства Епифана, напр. 11, 30: *Китяне* (kotim) въ Александрійскомъ переводѣ замѣнено точнымъ именемъ: *Римляне* (ῥωμαῖοι),—видно, что переводчикъ близокъ былъ къ самому событію, и потому исторически выразилъ мысль пророчества. Слѣдовательно, книга наша должна быть переведена въ Александріи не позже времени собственно Маккавейскаго, когда предполагаютъ произведеннымъ подлогъ самага оригинала. Но есть ли что похожаго на правду въ томъ, что едва подложная книга вышла, какъ ее уже приняла, и стали переводить и выдавать, не сомнѣваясь въ ея самоподлинности?! Сверхъ того и самая мысль, что не всѣ ветхо-завѣтныя книги переведены при Птоломѣѣ Филадельфѣ, не оправдывается преданіемъ; замѣненіе словъ: *Китяне*, прямымъ указаніемъ на *Римляне*, могло быть сдѣлано въ переводномъ текстѣ и впоследствии при перепискѣ, а не при первоначальномъ составленіи перевода.

Пятое: изъ 1-й книги Маккавеевъ видно, что при жизни еще Аптіоха Епифана, событія, описываемыя въ книгѣ Даниїла, и притомъ въ ней одной, были обще извѣстны между іудеями, и обыкновенно приводились какъ поучительные примѣры древности. (См. 2 гл. ст. 59—61). Маттаѳея причисляетъ ревнителей вѣры, извѣстныхъ изъ писанія *по роду и роду*, и между ними упоминается о Даниїлѣ и трехъ отрокахъ. Слѣдовательно, сказанія о нихъ родоначальникъ Маккавеевъ признаетъ достовѣр-

ными на ряду съ древними священными сказаніями о другихъ праведникахъ, имъ указываемыхъ, какъ то—Авраамъ, Финеесъ, Иліи и пр. Какъ же относить происхожденіе этихъ сказаній о Даниїлѣ и трехъ отрокахъ ко времени еще позднѣйшему и говорить о ихъ подложности? Другихъ древнѣйшихъ сказаній объ этомъ, кромѣ содержащихся въ книгѣ Даниїла, нѣтъ въ Ветхомъ Завѣтѣ. Историческое свидѣтельство книги священной, хотя и неканонической, ничѣмъ не подрываемое, по крайней мѣрѣ не менѣе заслуживаетъ довѣрія, какъ вообще историческое свидѣтельство.

Шестое: Юсифъ Флавій говоритъ о Прор. Даниїлѣ, какъ о величайшемъ изъ пророковъ, по велику его пророчества съ точностію опредѣляютъ и время предрекаемыхъ событій. Въ этомъ случаѣ іудейскій историкъ есть свидѣтель и представитель мнѣнія о книгѣ Даниїла своихъ современниковъ. Спрашивается: какимъ бы образомъ книга, вышедшая, по мнѣнію противниковъ, не въ древности далекой и малоизвѣстной, но въ близко почти новѣйшее, по отношенію къ исторіи іудейскому, время—какимъ образомъ эта книга не только не была обличена въ подлогъ, но произвела такое общее убѣжденіе въ своей неподдѣльности и уваженіе самыхъ ученыхъ мужей къ своему достоинству?

Наконецъ седьмое: вѣнецъ всѣхъ свидѣтельствъ составляютъ свидѣтельства о подлинности Даниїловой книги самага Іисуса Христа и Апостоловъ. Свидѣтельства сіи разныхъ родовъ: или, съ цитатою изъ книги, указывается и самое имя Даниїла,—

таково (*) Мате. 24, 15 (IX, 27 Дан.), или съ непрямымъ, но понятнымъ указаніемъ на мѣсто изъ книги Пр. Давіила, говорится о самомъ Пророкѣ, какъ принадлежащемъ къ сонму истинныхъ пророковъ, — такъ. (**) 1 Петр. 1, 10 — 12 (сл. Давіила 12 гл. 8 ст.), или указываются событія, описанныя въ книгѣ Давіила, какъ несомнѣныя, — такъ Евр. 11, 33. 34. (Здѣсь рѣчь о загражденіи вѣроу устъ львовыхъ, объ угашеніи силы огня, гдѣ именно повѣствуется о такихъ событіяхъ). Въ послѣднемъ случаѣ сказанія нашей книги признаются въ Новомъ Завѣтѣ достовѣрными, — во второмъ случаѣ писатель сихъ сказаній признается отъ Апостола Пророкомъ, — въ первомъ онъ прямо именуется Давиломъ. Относительно такого рода свидѣтельствъ не можетъ имѣть мѣста и эта увертливая мысль противниковъ, что Иисусъ Христосъ и Апостолы не занимаются или не строго занимаются историческою точностію въ своихъ свидѣтельствахъ. Поддѣльвателя книги поставить въ числѣ пророковъ — это уже очевидно не историческая только неточность или нестрогость дополнить мысль. — Приведенныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ доказательствъ подлинности книги Давіила очень довольно для удо-

(*) Здѣсь говорится о *ореченной Давиломъ „мерзости запустѣнія на святомъ мѣстѣ.“*

(**) Здѣсь рѣчь объ изслѣдованіи самихъ пророковъ, къ какому именно времени относятся предсказанія ими событія: такое изслѣдованіе ни у одного Пророка не видно такъ ясно, какъ у Давіила.

стовѣренія въ ней. Но нельзя не обратить вниманія и на самыя усилія противниковъ — напряженныя и разнообразныя.

Изъ внѣшнихъ свидѣтельствъ указываютъ на то, что книга въ каталогѣ іудеевъ помѣщена между агіографами (такъ за Ейхгорномъ Бертольдтъ). Но она помѣщена здѣсь, какъ Давилова же, — и агіографы составляютъ одинъ изъ классовъ несомнѣнныхъ священныхъ книгъ. Еще опираются на то, что у Сираха въ исчисленіи древнихъ праведниковъ упомянутъ Давилъ. Но сынъ Сираховъ исчисляетъ собственно не писателей священныхъ книгъ, а праведниковъ ветхо-завѣтныхъ; слѣдовательно умолчаніе его о Давилѣ ничего не говоритъ противъ подлинности его книги (*). Изъ умолчанія о Давилѣ, въ рѣчи Сираха о древнихъ праведникахъ, конечно никто не станетъ выводить, что Давилъ не принадлежитъ къ ряду великихъ праведниковъ (ибо такимъ представляетъ его прославляемый самымъ сыномъ Сираха, Пророкъ Іезекиль): тѣмъ менѣе имѣетъ мѣсто заключеніе, что Давилъ не былъ извѣстенъ какъ Священный Писатель. Ищутъ также у іудеевъ неблагопріятныхъ отзывовъ о Пророкѣ Давилѣ. Такъ указываютъ на сви-

(*) Вопросъ, почему умолчано здѣсь о Давилѣ, принадлежитъ собственно къ изслѣденію книги Сираха. Онъ умалчиваетъ и объ Ездрѣ, объ Іовѣ, подъ именемъ которыхъ также извѣстны каноническія книги; умалчиваетъ и о многихъ древнихъ праведникахъ (Мельхиседекъ). Видно, что онъ не предполагалъ дѣлать подобный и полный очеркъ древнихъ праведниковъ.

дѣтельство о томъ Блаженнаго Феодорита. Но Бл. Феодоритъ не даетъ положительнаго о томъ свидѣтельства, а только изъ помѣщенія книги Даниловой между агіографами, а не между пророками, заключаетъ о нерасположеніи іудеевъ къ Пророку. Заключение впрочемъ, какъ мы уже прежде видѣли, неправдоподобное! Находятъ унижительные отзывы о Данилѣ въ писаніяхъ нѣкоторыхъ, впрочемъ уже не раннихъ раввиновъ (Абарбанела, Моисей, Маймонида). Но это есть не болѣе, какъ логически странное (*) мнѣніе сихъ писателей, будто вообще агіографы имѣютъ низшую степень Боговдохновенности, нежели другія священныя книги. Это относится собственно къ страннымъ умозрѣніямъ позднѣйшей іудейской мудрости, а не къ свидѣтельствамъ преданія. — Наконецъ новѣйшіе

(*) Боговдохновененъ человѣкъ, въ которомъ глаголетъ Духъ Святый; а на сколько кто говоритъ или пишетъ въ вліяніи Св. Духа, онъ простой писатель. Въ чемъ же степени? То, что подъ вдохновляющимъ вліяніемъ Св. Духа избранный Его органъ является или въ состояніи духовнаго восхищенія или въ близости къ обыкновенному порядку духовной жизни, — это никакъ не указываетъ на разныя степени вдохновенія; этимъ выражается только то, что Духъ Св. осѣняетъ избраннаго или со стороны обыкновеннаго порядка жизни духовной, или со стороны чрезвычайной. У Апост. Павла первое изъ Боговдохновенныхъ состояній представляется какъ состояніе ума, другое — какъ состояніе духа (1 Кор. XIV, 15.): этимъ объясняется, что Духъ Св. осѣняетъ, вдохновляетъ и движетъ или тѣ силы человѣка, которыми онъ дѣйствуетъ въ общедоступной сферѣ, или силы, выступающія изъ этой сферы. Здѣсь не степени, а только видоизмѣненія Боговдохновенности.

іудей, въ спорахъ съ Христіанами, унижаютъ Пророка Данила. Но самый уже источникъ такихъ отзывовъ — вражда противъ христіанства достаточно опровергаетъ ихъ. Безпристрастный въ отношенія къ христіанству Флавій, называетъ Данила величайшимъ Пророкомъ. Іудейскій каталогъ священныхъ книгъ, изъ которыхъ хулители не осмѣливаются же исключить книгу Даниила, окончательно закрываетъ ихъ уста.

Въ самой книгѣ противники также усиливаются, и также напрасно, найти слѣды поздняго ея происхожденія.

Во первыхъ, стараются подмѣтить, гдѣ мнимый поддѣлыатель, противъ намѣренія и видовъ своихъ, самъ будто бы свидѣтельствуешь о своемъ позднѣйшемъ времени; такъ кажется противникамъ, будто бы въ 9-й главѣ 2 ст. писатель самъ проговорился о своемъ позднѣйшемъ времени: *Азъ Даниилъ разумѣхъ въ книгахъ* (hasparim). Изъ сихъ словъ замѣчаютъ, что писатель жилъ и писалъ свою книгу уже въ то время, когда Священное Писаніе составляло одинъ кодексъ и извѣстно было подъ общимъ именемъ *книгъ*, или, по нашему, Библии. Очень тонко замѣчено! Но отсюда слѣдуетъ только то, что священныя книги, выходя одна за другою, входили или были вводимы въ одинъ священный составъ, или въ одну общую книгу Слова Божія, и, по своему всеобщему употребленію въ такомъ видѣ и значеніи, были извѣстны подъ общимъ именемъ *книгъ*, по превосходству. Слѣдовательно указанное мѣсто книги Даниила служитъ

только къ подтвержденію православнаго взгляда вообще на священныя книги, и ничего не представляетъ противъ подлинности Даниловой книги. Такъ еще представляется противникамъ, будто бы мнимый поддѣлыватель въ VIII, 26 и XII, 4, ненамѣренно самъ поднимаетъ навязываемую ему личину. Онъ оговаривается, что ему дано было повелѣніе скрыть и запечатать книгу до времени исполненія пророчествъ: это, говорятъ, есть не болѣе, какъ понятное усиліе выдать въ свѣтъ новую книгу за священную древнюю для сего будто бы она представлена только неизвѣстною и даже намѣренно сокрываемою до исполненія содержащихся въ ней пророчествъ. — Говорить такъ, значить не знать вовсе смысла этого выраженія. Въ книгѣ же Даниила оно отчасти изъяснено: «ты поди изъ сей жизни, сказано Пророку на его вопросъ о времени исполненія откровеній, — ибо слова сія закрыты и запечатаны до послѣдняго времени». То есть, пророческія откровенія должны вполне уясниться уже самими событіями, а дотолѣ они еще сокровенны, время и образъ ихъ исполненія не могли быть ясны. Въ книгѣ Пророка Исаіи есть подобныя выраженія подобной мысли (Ис. 29, 11. 12. 8, 16). И такъ въ книгѣ рѣчь идетъ о томъ, что пророческія откровенія до времени своего исполненія (а это идетъ не до Маккавейскаго только времени, а до Христа и далѣе) еще должны оставаться не совсѣмъ понятными и ясными, а противники выводятъ изъ этой рѣчи, будто самая книга была вовсе не извѣстна до Антиоха Епифана, — а отсюда выводятъ

новое заключеніе, будто до сего времени книга еще не существовала. За разъ два произвольныя и невѣрныя, даже просто въ логическомъ отношеніи, заключенія.

Во вторыхъ, — думаютъ вообще содержаніемъ книги обличить ея подлогъ. И это есть главная и самая обширная сторона нападеній противниковъ. Такъ писатель сей книги будто бы иногда самъ себя противорѣчитъ, что не совмѣстимо съ достоинствомъ истиннаго Священнаго Писателя. Посмотримъ, что это за противорѣчія. Въ 21 ст. 1 гл. сказано, что Даниилъ жилъ *даже до перваго лѣта Кира царя*, а въ 1 ст. 10 гл. значитъ, что онъ имѣлъ и описывалъ видѣніе уже въ *третьемъ году* при Кирѣ. Но чтобы судить объ этомъ противорѣчіи, возьмемъ во вниманіе подобное мѣсто у Іереміи. Въ 3 ст. 1 гл. своей книги Іеремія говорилъ о себѣ, что онъ жилъ и пророчествовалъ *даже до первагонадесять лѣта Седекіи... даже до пльненія Іерусалимскаго*. Противорѣчитъ ли это мѣсто Іереміи 40—44 гл. той же книги, гдѣ Пророкъ представляется живущимъ и пророчествующимъ — и послѣ *пльненія Іерусалимскаго*? Нисколько. Въ первомъ мѣстѣ Іеремія показываетъ, что онъ еще былъ на пророческомъ поприщѣ — во время разрушенія Іерусалима, и потому говоритъ: и *быти... даже до пльненія* и проч. Тоже и у Даниила. Онъ въ 1-й главѣ показываетъ, что онъ дожилъ до освободителя іудеевъ Кира, что освобожденіе іудеевъ изъ плѣна, въ первое лѣто владычества Кирова, было еще при немъ, и потому го-

ворить о себѣ: *и бысть даже до перваго льта Ки-ра*; но симъ не исключается продолженіе жизни Пророка и при Кирѣ. Въ писаніи обыкновенень такой образъ рѣчи: *даже до*, не въ смыслѣ конечнаго предѣла. Да и въ обыкновенной рѣчи очень употребителенъ оборотъ: вотъ я, или онъ дожилъ до чего!! Но это еще не значить прекращеніе жизни въ ту же минуту. И такъ кажущееся противорѣчіе въ книгѣ Пророка Даніила исчезаетъ; даже странно, что на него указываютъ съ важностию.

Другое противорѣчіе находятъ: по словамъ ст. 48 и 49 гл. 2-й, Даніиль уже при Навуходоносорѣ былъ сдѣланъ начальникомъ мудрецовъ и сталъ знаменитъ при царскомъ дворѣ. Напротивъ во 14 ст. 5 гл., въ царствованіе Валтасара знаетъ о семь только уже одна царица, и Даніиль, по видимому, не извѣстенъ ни кому при дворѣ. — Что Даніиль занимался еще государственными дѣлами при Валтасарѣ, это видно изъ 8-й гл. 27 ст. Но что не обращалъ на него вниманія сластолюбивый и безпечный царь (Валтасаръ) и слѣдовательно весь дворъ, подобранный конечно по вкусу царя, или увлекаемый его примѣромъ, это очень понятно и очень естественно. Въ самой книгѣ Даніила можно найти указанія на то, что Даніиль былъ даже и удаленъ отъ двора (смотри VI гл.). Такимъ образомъ онъ и былъ нѣкоторымъ образомъ забытъ при дворѣ; потому же ему удобно было отстраниться сколько нибудь и отъязыческаго общества. Притомъ еще нужно взять во вниманіе безпорядокъ пиршества, и при видѣ-

ніи пишущаго перста всеобщее смятеніе: кому могла бы придти здравая мысль о Даніиль?! И такъ, не противорѣчіе, но видоизмѣненія живой дѣйствительности представлены въ указанныхъ мѣстахъ.

Таково же противорѣчіе, представляющееся возражателямъ въ 3, 14 и 2, 47: въ послѣднемъ мѣстѣ самъ царь уже исповѣдуетъ Бога Израилева Истиннымъ Богомъ, а въ первомъ представляется онъ какъ бы неслышавшимъ еще объ особой религіи іудейскаго народа. — Но все дѣло здѣсь въ томъ, что царь, пораженный сверхъестественнымъ Даніиловымъ видѣніемъ тайнъ, здраво разсуждаетъ о Богѣ,—это выражено во 2-й главѣ; а потомъ также пораженный безпримѣрнымъ для него сопротивленіемъ подданныхъ и приведенный тѣмъ въ ярость, онъ отчасти еще не вѣритъ такой дерзости, отчасти уже угрожаетъ за нее, — это выражено въ его словахъ 3-й главы: *еще вы истину... Богомъ моимъ не служите?* Противорѣчія нѣтъ, а напротивъ психологически то и другое естественно и совмѣстно. Притомъ же язычнику свойственна мысль о законности служенія Божеству не только національному, но и иноземному. Навуходоносоръ узналъ (сколько, столько можно узнать язычнику) и исповѣдовалъ Бога Израилева, и потомъ могъ требовать Божеской почести и своимъ божествамъ отъ Израильтянъ. — То и другое согласно съ языческими его понятіями.

Подобно сему противорѣчіе въ характерѣ Навуходоносора въ 4 гл. сравнительно со 2-й и 3-й: тамъ

онъ является тихимъ, разсудительнымъ, а здѣсь неукротимымъ тиранномъ. Но тамъ и тутъ видна въ немъ душа сильная и глубокая (способная къ высреннимъ умосозерцаніямъ), — характеръ могущественный, величавый и открытый: только во 2-й и 3-й гл. онъ самоувѣренъ, горделивъ и потому грозенъ, а въ 4-й гл. вразумленъ поразительными откровеніями и усмиренъ необычайнымъ наказаніемъ. Какое же тутъ противорѣчіе?!

Кромѣ внутреннихъ противорѣчій, которыя впрочемъ оказываются вовсе не противорѣчіями, ссылаются на историческія неточности и невѣроятности, будто бы содержащіяся въ книгѣ Даніила. Разберемъ и это. Къ историческимъ ошибкамъ относятъ самое начало книги. Здѣсь сказано, что въ 3-й годъ царствованія Іоакима царя Іудейскаго, Вавилонскій царь Навуходоносоръ приступилъ къ Іерусалиму и прѣч. Но по свидѣтельству книги Іереміи, Навуходоносоръ сталъ царемъ уже въ 4-е лѣто Іоакима (см. 25 гл. 1 ст.); притомъ первый, какой извѣстенъ, побѣдоносный походъ Навуходоносора, и то направленный не въ Іудею, а въ Египетъ, относится также къ четвертому году царствованія Іоакимова (46, 1. 2.). На сей затруднительный случай, правда, есть мнѣніе такое, будто Пророкъ Даніилъ говоритъ *о третьемъ лѣтѣ Іоакима*, считая лѣта собственно подданства его Вавилону, а не всего царствованія. — Мнѣніе впрочемъ изысканное, — въ доказательство за себя ничего не имѣющее, кромѣ изслѣдуемаго мѣста книги Даніила, — и ведущее къ нѣкоторымъ новымъ за-

трудненіямъ (*). Лучше объяснится дѣло изъ соображенія священныхъ историческихъ показаній на этотъ предметъ со свидѣтельствомъ халдейскаго историка Бероза. Онъ повѣствуетъ, что отецъ Навуходоносора, будучи по старости не въ силахъ самъ усмирить мятежъ въ Сиріи и Египтѣ, послалъ туда съ войскомъ своего сына — самаго Навуходоносора; этотъ послѣдній, какъ буквально сказано у Бероза, покорилъ всю ту страну «своей державѣ»; но по случаю смерти отца своего, поспѣшилъ окончить дѣла въ Египтѣ и, отправясь самъ ближайшимъ путемъ, повелѣлъ вмѣстѣ съ войскомъ вести въ Вавилонъ и плѣнниковъ, состоявшихъ изъ Іудеевъ, Финикіянъ, Сиріянъ и Египтянъ (см. Флав. X. кн. 11. гл. 1). Изъ этого сказанія халдейскаго историка видно, что Навуходоносоръ, еще до своего воцаренія, имѣлъ державное полномочіе въ отношеніи къ другимъ народамъ, и, между прочими, покорилъ тогда «своей державѣ» и іудеевъ. Притомъ еще можно примѣтить, что іудеи были покорены прежде Египтянъ: ибо дѣла Египетскія были, по свидѣтельству Бероза, предметомъ послѣднихъ его заботъ предъ возвращеніемъ въ Вавилонъ. Теперь слѣдуетъ только подѣ нашествіемъ на іудею, указаннымъ въ

(*) По этому мнѣнію Даніилъ говоритъ въ 1, 1 и 2 ст. о рѣшительномъ изложеніи Іоакима. Это было уже въ 7-й годъ царствованія Навуходоносора. Между тѣмъ по Даниилевой книгѣ, спусти три года послѣ сего, слѣдовало только еще другой годъ царя Навуходоносора.

книгѣ Даниила, разумѣть нашествіе, бывшее въ этотъ великій походъ, — указанный Берозомъ; и всѣ историческія затрудненія, какія выше обозначены, рѣшатся сами собою. По свидѣтельству Іереміа, въ 4-мъ году Іоакима, Навуходоносоръ покорилъ Египетъ, одержавъ побѣду надъ Фарономъ при Кархамисѣ, — покореніе Египта было, по Берозу, уже послѣднее дѣло Навуходоносорова первоначальнаго великаго похода. Въ этомъ же году, то есть въ годъ покоренія Египта, по словамъ Іереміа, онъ и восшелъ на престолъ по смерти своего отца. Но было бы до неестественности невѣроятно, чтобы въ тотъ же годъ послѣдовало и начало похода, и покореніе Сиріи, Финикіи, Іудеи. Слѣдовательно эти послѣднія событія должны быть отпесены по крайней мѣрѣ къ предшествующему году, — то есть, согласно съ свидѣтельствомъ Даниила, къ третьему лѣту царствованія Іоакима. И поелю Навуходоносоръ въ этомъ походѣ былъ облеченъ, какъ видно изъ свидѣтельства Берозова, въ державное уполномочіе, такъ что покорялъ побѣжденныхъ собственно своей властью: то какъ же было не назвать его царемъ? Въ самой книгѣ Даниила хорошо видно, что онъ такъ называется въ 1-й главѣ, именно, по царственному уполномочію, а еще не по дѣйствительному воцаренію: ибо въ слѣдующей же главѣ говорится только о второмъ лѣтѣ царя Навуходоносора, тогда какъ уже и послѣ нашествія на Іерусалимъ, упоминаемаго въ 1-й главѣ, должно было пройти по крайней мѣрѣ три лѣта (см. 1, 5). Значитъ, при

нашествіи на Іерусалимъ онъ не былъ еще царемъ единодержавнымъ, хотя и названъ царемъ по царственному полномочію. Другой причины не могло быть къ тому, чтобы, представивъ Навуходоносора уже царемъ при нашествіи на Іудею, спустя три года послѣ этого событія считать его царствовацію только всего другой годъ! И такъ у Даниила въ показанномъ мѣстѣ нѣтъ никакой исторической неточности; напротивъ, при сличеніи съ нимъ еще опредѣлительнѣе становятся другія историческія показанія, относящіяся къ тому же предмету. Другая, близкая къ разсмотрѣнной, неточность во 2-й гл. 1-го стих. Второй годъ царствованія Навуходоносора, о которомъ здѣсь говорится, долженъ быть, по лѣтосчисленію Пророка Іереміа, пятымъ годомъ Іоакима: ибо, по словамъ Іереміа (25, 1), первый годъ царствованія Навуходоносора совпадалъ съ четвертымъ Іоакима. Но по книгѣ Даниила, этотъ же второй Навуходоносоровъ годъ долженъ быть не ближе шестаго года царствованія Іоакимова: ибо, въ третье лѣто его царствованія взять Данилъ въ плѣнъ, потомъ три года долженъ былъ онъ учиться, и за сямъ уже совершились тѣ событія, которыя описываются во 2-й главѣ; слѣдовательно они падаютъ уже къ 6-ти лѣтамъ царств. Іоакима. — И такъ книга Даниила цѣлымъ годомъ отстываетъ отъ лѣтосчисленія Іереміа. Но дѣло въ томъ, что у Іереміа сказано: *слово бысть Іереміи въ лѣто четвертое Іоакима... то лѣто первое Навуходоносора*, но не сказано того, что царствованіе Наву-

ходоносора и началось день въ день согласно съ царствованіемъ Іоакимовымъ. Такъ и мы выражаемся: извѣстное событіе случилось на такомъ-то году жизни одного, и на такомъ-то году другаго; но этимъ не предполагается, что годъ того и другаго начинается въ одинъ и тотъ же день; напротивъ годъ одного могъ тогда еще только начинаться, а годъ другаго уже оканчиваться. Посему, если четвертое лѣто Іоакима уже было въ исходѣ, когда началось первое лѣто царства Навуходоносорова: то лѣтосчисленіе Іереміино не будетъ опровергать лѣтосчисленія книги Даниила. Второе лѣто Навуходоносорова, и по счисленію Іереміи, должно будетъ обнимать только малую часть пятаго года Іоакима, и большую часть уже шестаго года. На 6-й годъ Іоакима падаетъ второе лѣто царства Навуходоносорова, и по книгѣ Даниила. Такимъ образомъ и здѣсь только опредѣлительнѣе становится лѣтосчисленіе Іереміи чрезъ соображеніе его съ книгою Пророка Даниила.

Нѣкоторыя неточности видятъ въ сказаніяхъ о Валтасарѣ въ 5 гл. Послѣдній царь Вавилона былъ, по крайней мѣрѣ, уже внукъ Навуходоносора, по пророчеству Іереміи и свидѣтельству Бероза, Флавія и др.; но Навуходоносоръ у Даниила называется отцемъ Валтасара (11 ст. 13. 18. 22. Berthold com. 1, 35, Bleek p. 270.) Чтожъ изъ того? Царственные потомки Давида называются сынами Давида; начальнику династіи, и особенно славной, естественно (и преимущественно въ тѣ времена великаго значенія всего естественнаго и особенно родового

происхожденія) называться отцемъ послѣдующихъ. Еще историческое затрудненіе о Валтасарѣ: имя послѣдняго царя вавилонской династіи—Валтасаръ, а по халдейскому историку (Берозу) Набоннедъ (Bleek). Но многія имена одного и того же лица обычны были въ тѣхъ странахъ. Такъ Даниилу, какъ и тремъ его товарищамъ, дано новое имя отъ вавилонскаго царя, но за нимъ осталось и прежнее. Отецъ самаго Навуходоносора Набополассаръ имѣлъ еще другое имя Навуходоносора же, по свидѣтельству Бероза (Флав. X к. 11 гл.). Камбизъ, какъ его называютъ по вѣдшимъ исторіямъ, у Ездры названъ Achaschwerogesch-Ассуиръ. Выдававшій себя за Смердиса названъ у Ктезія Spendates, у Іустина Orpastes, а у Ездры Arthachschasta Артаксерксъ (см. Jah. Archaeol. 11, 1. p. 244.) Замѣчаютъ еще, что имена, взятая отъ названія боговъ, каковы—*Валтасаръ* отъ Вила, —*Набоннедъ* отъ Нево, оба извѣстные имена послѣдняго вавилонскаго царя, были не столько собственныя имена, сколько прозванія,—и тѣмъ еще болѣе изясняется разность именъ одного и того же лица. Притомъ, когда царица (какъ видно не жена, а развѣ мать Валтасара) (*), сказавъ сначала просто: *Отецъ твой*, потомъ опредѣляетъ это названіе прибавленіемъ: *Навуходоносоръ*, то видно чрезъ это, она

(*) Ибо жены его были на пирѣ, а эта совѣтъ пошла въ царственную комнату, и стала говорить, какъ очевидица мнужнаго.

хотѣла предотвратить недоразумѣніе царя, что она говоритъ не о родномъ его отцѣ. Если бы она говорила о родномъ отцѣ Ватасара, то къ чему было бы это прибавленіе? Имя: *Отець твой* — вполне ясно и опредѣленно для сына и безъ прибавленія собственнаго имени.

За историческую невѣрность признаютъ имя *Дарія Мидяннина* въ VI гл. Говорятъ, что царя, котораго Ксенофонъ называетъ Кіаксаромъ 2, позднѣйшій писатель книги смѣшалъ съ ближайшимъ къ своему времени Даріемъ Гистаспомъ (Bertholet Compt 41 p. 855. и сл. Bleek p. 270 dewette, Rossmuller). — Но если бы и дѣйствительно древность не сдѣлала никакого намека на Дарія Мидяннина, то все же нѣтъ повода, по одному сходству имени, дѣлать такую произвольную догадку. Сей часъ только мы говорили объ обычаѣ не только халдеевъ, но и персовъ давать одному и тому же лицу разные имена. Отъ чего въ настоящемъ только случаѣ не могло быть мѣста тому, чтобы одно изъ именъ было собственнымъ, а другое — прозваніемъ? Имя же *Дарія* дѣйствительно таково, что его носятъ многіе совершенно различные цари, и, по своему значенію, оно болѣе нарицательное, нежели собственное; по Геродоту, это имя значитъ по гречески ἐρζετής, или обуздатель, покоритель. Это первое! Но кромѣ того, должно сказать, что на имя Дарія, современнаго Даниилу, есть ясныя указанія древности. Въ отрывкѣ халдейскаго писателя — Абидека, приводимомъ въ Армянской хроникѣ Евсевія, послѣ того какъ сказано о побѣдѣ Мидо-Персовъ надъ вави-

лонскимъ царемъ и о распоряженіи побѣдителя насательно побѣжденнаго, стоятъ такія слова: *Darius rex de regione depulit aliquantulum*. Здѣсь очевидно разумѣется Дарій Даниилова времени (*). Также известна древнѣйшая персидская золотая монета, называемая *дарихос*. Геродотъ пр изводилъ ее отъ Дарія Гистаспа, но невѣрно; ибо *дарики* были уже въ ходу за долго дотолѣ, о нихъ упоминается въ книгахъ Паралипоменонъ, Ездры и Неемія. Инаковое и вполне достовѣрное изъясненіе происхожденія этой монеты у Свида, *δάρεικος ἔκ ἀπὸ Δαρῶν τῆ ἐρζῆ πατρὸς* (то есть, Дарія Гистаспа), *ἀλλ' ἀπ' ἐτέρου τινὸς παλαιότερου Βαβυλέων ὀνομασθῆναι* Гарпократионъ, схолиастъ Аристофана, тоже говоритъ. Слѣдовательно, и по другимъ свидѣтельствамъ, у Мидо-Персовъ точно былъ Дарій гораздо древнѣйшій Дарія Гистаспа. Что же послѣ этого будетъ мысль о смѣшеніи въ книгѣ Даниила, Кіаксара съ Даріемъ Гистаспомъ? Басня, выдуманная не только безъ всякаго основанія, но и противъ историческаго свидѣтельства (**).

(*) Замѣчательно, что въ другомъ сочиненіи Евсевій — *praeparatio Evangel.* — цитуетъ мѣсто это, опуская сія слова. Видно, что онъ не много дорожилъ ими, согласно, безъ сомнѣнія, съ маловниманіемъ древности къ имени древнѣйшаго царя — Дарія. Этимъ и объясняется малоупотребительность этого имени въ древности.

(**) Не стоило бы даже и упоминанія еще неточность, указываемая въ той же 6 главѣ. Укажемъ на нее, чтобы видѣть, до какой мелочности и натяжки можетъ упасть критика съ началами невѣрія. Львиный ровъ или львиная яма представляется (видите) не совсѣмъ соответствующею одному извѣстному опи-

Наконецъ возьмемъ во вниманіе мнимую историческую ошибку, находимую въ 8 гл. I. и 2 ст.; здѣсь сказано, говорятъ, что «Даніиль въ третій годъ Валтасара былъ въ крѣпости Сузахъ, въ Эламѣ или Элимацѣ. Но этого не могло быть «потому, что Элимаида не принадлежала Навуходносору, а его преемниками конечно тѣмъ менѣе могла быть приобрѣтена. — И самый городъ Сузы «не только сдѣлался столицею уже персидскихъ царей, но, по свидѣтельству Плинія, даже построенъ «былъ Даріемъ Гистаспомъ, когда и получилъ настоящее имя (Plin. H. N. IV, 26) Bertoldi»).

Но всѣ восточные и греческіе писатели согласно говорятъ о построеніи города Сузы въ отдаленнѣйшей древности. Страбонъ называетъ основателя Сузъ Титона, отца Мемнонова, и говоритъ, что уже красота и великолѣпіе города побудили царей персидскихъ сдѣлать этотъ городъ своею резиденціею. Слѣдовательно, когда Плиній говоритъ, что *vetus regia*

сапію львиныхъ ровъ, которое относится къ совершенно другому времени и совершенно другой землѣ (Hocsts von Magoko und fes., s. 77. и 290); да и самая разность не въ существенныхъ чертахъ, которыя и по книгѣ Даніила, и по сему позднѣйшему описанію одинаковы; львиныя помѣщенія и по сему послѣднему, были подземные рвы, и имѣли назначеніе для низверженія въ нихъ осужденныхъ на смерть, — какъ то и другое видно и изъ нашей книги. Замѣчательная разность касается отверстія, которое, по Гестову описанію, было широко, и имѣло родъ дверей, а у Даніила заграждалось камнемъ и слѣд. должно быть узко (6, 17.) Разность легко устраняется: ибо камень могъ быть плоскій и большой, и слѣд. могъ закрывать большое отверстіе и служилъ какъ бы дверью во львиный ровъ.

Persarum Susaa Dario Histaspisz filio condita, то онъ выражается такъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ говорилъ напр. Навуходносоръ о Вавилонѣ: *placet sibi Babilonem egozse a se coградилъ*, т. е. въ смыслѣ неоснованія, а *распространенія* и украшенія города. Также древность названія сего города Сузами, идущую далѣе Дарія Гистаспа, засвидѣтельствовали Геродотъ (с. 54), Ксенофонъ (Кироп. VIII, 6, 22). И такъ послѣдняя половина возраженія противъ исторической точности показанія книги о Сузахъ — исчезаетъ. Что же касается до утвержденной независимости Элимаиды отъ Навуходносора, доказательство на это думаютъ найти, во 1-хъ, у Исаи 21, 2, о возстаніи противъ Вавилона, Эламитявъ и Персовъ. Но возстать могли и покоренные прежде народы. Другое доказательство у Іереміи 25, 25, гдѣ представляется Эламъ царствомъ, имѣющимъ царей и слѣд. самостоятельнымъ. Но здѣсь же Эламу вмѣстѣ съ другими странами подносится чрезъ Іеремію чаша гнѣва Божія, которою и было собственно грозное нашествіе Навуходносора. То же самое предрекается у Іерем. 49, 23 и представлено исполвшимся у Іезек. 32, 24. Слѣдовательно и эта часть возраженія падаетъ въ ничтожество. А что Даніиль былъ въ городѣ Сузахъ, который не былъ еще царственною резиденціею, — то это, во 1-хъ, по изясненію нѣкоторыхъ Бл. Θεодорита и др. могло быть также, какъ Іезекиль изъ плѣна восхищенъ былъ къ созерцапію бѣдствій Іерусалимскаго храма, также и Даніиль могъ въ Сузахъ быть въ видѣніи. Основаніе сего толкованія въ самомъ

текстъ; — съ Еврейскаго такъ читается это мѣсто: «и видѣлъ я въ видѣніи, и когда видѣхъ оное, былъ «я въ Сузахъ, что въ Эламской области, и видѣлъ «я въ видѣніи, будто нахожусь подлѣ рѣки Евлея» (2 ст.). Последняя половина стиха можетъ служить и поясненіемъ первой, и потому мысль съ сего мѣста можетъ быть такая, что Пророкъ «видѣлъ въ видѣніи,» будто онъ находился въ Сузахъ, подлѣ рѣки Евлея. Видѣніе относилось прежде всего къ персидскому царству и побѣдѣ его надъ Вавилономъ, потому Пророкъ могъ быть въ духѣ поставленъ въ самую столицу будущаго побѣдоноснаго царства. — Но если бы и не такъ, то во 2-хъ, при развратномъ Валтасарѣ, Даніиль легко могъ быть устранинъ отъ двора или, во всякомъ случаѣ, на время быть отпращенъ отъ двора въ область Элимаидскую съ царскими же порученіями, такъ какъ его еще Навуходоносоръ хотѣлъ сдѣлать областнымъ начальникомъ. И такимъ образомъ нѣтъ историческаго затрудненія въ томъ, что Пророкъ былъ въ Сузахъ и здѣсь занимался царскими дѣлами, какъ сказано въ 27 ст. той же главы. Можно бы указать еще нѣкоторыя другія подобнаго же рода историческія неточности, измышляемыя противниками, но онѣ уже или устранены у насъ при прежнемъ соображеніи историческихъ показаній Даніила (*), или слишкомъ очевидна ихъ вымышленность (**). И такъ,

(*) Такова напр. мнимая неточность представленія львиного рва (смотри выше).

(**) Напр. о соборіяхъ мудрецовъ. — Мы уже видѣли, какъ сказанное Даніиломъ объ этомъ предметѣ подтверждается и другими свидѣтельствами.

книга обильная историческими показаніями о времени Прор. Даніила, какъ ни одна изъ другихъ книгъ, не заключаетъ и тѣни исторической неточности даже въ самыхъ примѣрахъ оной, какіе приводятся противниками. Самая возможность къ подобному перетолковыванію нѣкоторыхъ мѣстъ книги, устраняетъ всякую мысль объ искусственномъ подлогѣ: ибо столь легко было бы предотвратить эту возможность (напр. въ лѣтосчисленіи), а она оставлена.

Противъ исторической ея части содержанія, направляются еще такія нападенія противниковъ, будто здѣсь есть невѣроятное и само по себѣ. Обратимся къ этому новому обороту дѣли, которая, съ истощеніемъ историческихъ свидѣтельствъ противъ истины, вооружается противъ нея собственными соображеніями и наблюденіями.

Болѣе всего не правятся противникамъ, что въ книгѣ Даніила много чудесъ. Особенное обиліе въ чудодѣйствіяхъ, будто безъ потребности въ томъ, кажется, явнымъ признакомъ недостоверности повѣствованія. — Но нужно еще доказать, что точно, по книгѣ Даніила, расточаются чудеса безъ нужды. Въ исторіи Израиля тогдашнее время и обстоятельства составляли такую великую эпоху, что всеподзаконное устройство церковное было потрясено и въ видимости разрушено во всемъ составѣ своего зданія: гдѣ обѣтованія, данныя патриархамъ? Что теперь потомки Израиля? Что обѣтованная земля? Что Іерусалимъ, Сіонъ — святая гора? Гдѣ теперь храмъ? Вѣрѣ предлежалъ великій и даже чрезвычайный подвигъ. И на сколько въ избранныхъ

доставало вѣры для такого чрезвычайнаго подвига: на столько, по закону благодати, и привлекала такая вѣра чрезвычайныя явленія силы Божіей, — что въ тоже время служило къ укрѣпленію и ободренію вѣры прочихъ, болѣе слабыхъ для такого подвига, членовъ вѣры. Это первое! Во вторыхъ, въ исторіи церкви и всего рода человѣческаго — тогда было такое время, что ветхо-завѣтный порядокъ спасенія людей ветшалъ, и требовалъ — если еще неотмѣненія, то освѣженія и обновленія, что языки уже сами стали ощущать осезаемую тьму, куда зашли они въ самоволиі, и недоумѣвали, *чессо-му подобаетъ быти по силѣ съ людьми наконецъ* (слова Навуходносора), а потому требовали нѣкотораго духовнаго озаренія, если не въ конецъ были отвержены. И въ томъ, что съ язычниками, отчужденными отъ церкви, былъ тогда приведенъ въ самое внутреннее столкновение народъ избранный, хранитель и наслѣдникъ завѣта и обѣтованій истиннаго Бога, — видно намѣреніе Отца Небеснаго напомнить о себѣ язычнику — этому блудному сыну, расточавшему уже послѣдніе останки наслѣдія; видѣвъ предварительный приѣмъ промысла Божія къ призванію и погибающихъ языковъ къ благодати и къ распространенію во всемъ мірѣ вѣдѣнія объ истинномъ Богѣ и водворенію церкви вселенской. — Въ эту ли великую эпоху исторіи всемірной были ненужною расточительностію — чудеса, упоминаемыя въ книгѣ Даніила? Да какъ же иначе было напомнить язычнику объ оставленномъ имъ Отцѣ, — и напомнить свойственнымъ ветхо-завѣтному вре-

мени образомъ? — Какъ еще по ветхо-завѣтному, — по порядку въ раю начатому, явиться предъ міромъ Божественной десницѣ, не отвергающей и языковъ, предустраивающей уже всемірную христіанскую церковь? Какъ до времени своего отмѣненія оживиться и возобновиться уже столько изветшавшему ветхо-завѣтному порядку вещей, котораго и характеромъ была открытая для чувствъ видимость духовнаго и Божественнаго? Все это не иначе могло быть совершено, какъ именно такими чрезвычайными способами, такими открытыми явленіями Божественной десницы, какія описаны въ книгѣ Пророка Даніила. — Послѣ сего, конечно, справедливо было сказать объ умствующихъ возражателяхъ противъ достовѣрности чудесъ въ книгѣ Даніила: *не видятъ*, что говорятъ.

Обратимся къ разсмотрѣнію разныхъ частныхъ книги, кажущихся противникамъ сомнительными. Будемъ слѣдовать порядку книги. Не нравится противникамъ то воздержаніе Даніила и трехъ отроковъ, по которому они рѣшились питаться растеніями съ водою изъ опасенія оскверниться роскошною трапезою язычниковъ (см. 1 гл. Дан.). Такое воздержаніе будто-бы выше предписаній и запрещеній касательно пищи, содержащихся въ законѣ. Но правда ли это? Можно ли допустить, чтобы на роскошномъ столѣ языческаго царя не приготовлялось пищи изъ признаннаго нечистымъ въ законѣ Моисеевомъ или изъ оскверненнаго чрезъ прикосновеніе къ нечистому? Притомъ вавилонскіе плѣнники изъ избраннаго народа не хотѣли цѣть въ

Вавилонъ и Сионскихъ ибсней: печаль по Богѣ и потому постъ свойственны были истинно вѣрующимъ. Трапеза же язычниковъ осквернялась еще обычными у нихъ, при вкушеніи пици, возліяніями въ честь боговъ. Не даромъ еще чрезъ Іезекііля возвѣщено было іудеямъ, что они въ плѣну осквернятся самымъ вкушеніемъ пици (4, 13, 14). Слѣдовательно и опасеніе оскверненія и постъ четырехъ плѣнныхъ юношей свойственны истинной вѣрѣ и потому сказаніе объ этомъ не представляетъ ничего недостовернаго. — Невѣроятною кажется та чрезвычайная жестокость вавилонскаго царя, съ какою онъ приговаривалъ къ смерти мудрецовъ за неумѣнье ихъ рассказать и истолковать его сонъ, имъ самимъ забытый. Конечно, это одно изъ сильно поражающихъ чувство челоуѣколюбія явленій восточнаго деспотизма; но такое явленіе происходитъ не чисто отъ дикаго звѣрскаго произвола. Навуходносоръ говоритъ мудрецамъ на требованіе ихъ разсказа о сновидѣніи: «я знаю точно, что вы только время выигрываете... вы выдумываете сказать мнѣ что нибудь ложное и пустое... Раскройте мнѣ сонъ, и я буду увѣренъ, что и смыслъ его объяснить можете.» Мудрецы хвалились умѣньемъ толкованія сновъ, вѣданіемъ тайнъ. «Вы обманщики, — какъ бы такъ говорилъ имъ царь. Если вы дѣйствительно знаете тайну сновидѣній, то почему же самые сновидѣнія могутъ быть для васъ тайною? Если неумѣете разсказать самаго сновидѣнія: какъ повѣрить вѣрности вашего истолкованія? Вы публичные обманщики, и достойны казни. Нечего и время съ

вами тратить. Разскажите сонъ мой, и я повѣрю, и только тогда повѣрю вашему священному искусству объяснять самый смыслъ сновъ.» Слѣдовательно, не совсемъ обосновательный, хотя и слишкомъ безпощадный, данъ приговоръ казни на уличенныхъ въ безсовѣстности предъ религіею и государствомъ. Что же тутъ невѣроятнаго?

Въ 3-й главѣ находятъ невѣроятнымъ, кромѣ великаго чуда (о чемъ мы уже не будемъ говорить), а) предварительное приготовленіе разженной печи, какъ будто зналъ царь о томъ, что три іудея не исполнять его повелѣнія. Но разженная печь была обыкновеннымъ въ Вавилонѣ (и потому всегда готовымъ) способомъ казни, какъ мы прежде видѣли. б) Самый приговоръ царя казнить за непоклоненіе истукану, кажется несообразнымъ съ вѣротерпимостію (засвидѣтельствованною пророками Іереміею и Іезекіилемъ). Но въ этомъ, по ходу исторіи, выражается болѣе своеправіе деспота, котораго произволъ могъ быть закономъ, и который не терпѣть противорѣчій. «Люди сіи не слушаютъ тѣбя, царь,» такъ доносятъ халдеи на трехъ отроковъ. — И царь дѣлаетъ имъ такой допросъ: «правда ли, что вы... золотой статуѣ, которую я поставилъ, не покланяетесь?» Видно, что не за оскорбленіе собственно національной религіи вооружались эти люди противъ рабовъ Божіихъ. в) Не соразмѣрна и чудовищна величина статуй. Но Вавилоняне отличались вкусомъ къ чудовищному, какъ доказываютъ всѣ открываемые въ ихъ странахъ памятники. д) Невинные служители казни были убиты

огнемъ. Но чтобы сказать: *невинные*, нужно быть испытателемъ сердець. По слову Пророка Иліи, пожраны были ниспадшимъ съ неба огнемъ двѣ полсотни воиновъ, — тоже служители чужой воли. Такая гроза Небеснаго Правосудія свойственна духу ветхо-завѣтнаго времени, еще недостигшаго благодати, а испытывать сердца промышленности людей, вообще это дѣло ума Божія. Эти мысли впрочемъ еще слишкомъ общи. Дѣло здѣсь въ томъ, что являются во враждебномъ столкновении съ одной стороны — доблестные рабы Божіей Державы, а съ другой — служители не хотящаго знать этой державы владычества человѣческаго. Послѣдніе, очевидно, принадлежать къ Боговраждебной сторонѣ, праведно низлагаемой и караемой. Исповѣданіе Истиннаго Бога, въ 97 и 98 ст. будто бы противорѣчатъ характеру царя и религіи, которую онъ долженъ блюсти, по крайней мѣрѣ по политическимъ видамъ. Возраженіе, которое можетъ быть порождено расчетами и вмѣстѣ невѣжествомъ невѣрія! Душа глубокая и сильная (каковъ всегда является Навуходносоръ), — бывъ подвигнута столь поразительнымъ и многосложнымъ явленіемъ силы и славы Божіей, будто бы не могла быть сознательно въ отношеніи къ Божеству, не могла возвыситься надъ политическими расчетами! Не стаетъ терпѣнія разбирать другія возраженія противъ достовѣрности повѣствованія о семъ чудѣ: напр., гдѣ взято столько золота для составленія огромнаго золотого истукана, всемірнаго почти завоевателя? Гдѣ былъ въ это время самъ Даниилъ, ко-

торого отсутствіе могло быть изъяснено всякими случайностями? и пр.

Въ 4-й главѣ сомнѣваются въ достовѣрности указа или манифеста царя вавилонскаго: а) по умолчанію о столь поразительныхъ событіяхъ — другихъ святенныхъ писателей и греческихъ историковъ. Но изъ первыхъ никто не имѣлъ задачей изобразить это время, кромѣ Пророка Даниила. Въ замѣнъ и вознагражденіе молчанія греческихъ историковъ есть указанія у Бероза, на временное сумасшествіе Навуходносора и возвращеніе его на престолъ, по выздоровленіи (у Юс. Флав.), а у Абидена, сверхъ того, указаніе на странную его болѣзнь, по которой онъ находился въ скотоподобномъ состояніи, и на самый всенародный его манифестъ (Chron. Armenolat. I, p. 39 graec. Evang. IX, 14). в) Евсевій же, который въ своей хроникѣ приводитъ сіе свидѣтельство Абидена, самъ еще свидѣтельствуетъ, что историки не только халдейскіе, но и греческіе скрываютъ странную болѣзнь Навуходносора, представляя ее состояніемъ подъ сверхъ естественнымъ дѣйствіемъ благотельнаго духа или божества. (Chron. armenolat. p. 61.) с) По продолженію, на дѣльи 7-мъ лѣтъ, необычайной болѣзни Навуходносора безъ царственнаго управления вавилонскаго царства. Но во 1-хъ, нѣкоторые понимаютъ здѣсь опредѣленное число лѣтъ, вмѣсто неопредѣленнаго, которое можетъ быть и меньше. Это впрочемъ объясненіе можетъ показаться придуманнымъ на нуждѣ. Во 2-хъ, свойства болѣзни не извѣстны, и слѣдовательно нельзя судить о невозможности про-

долженія ея на 7 лѣтъ, а страхъ сильнаго и грознаго царя могъ не позволить устраненія его отъ царства, при жизни его, хотя онъ былъ бы болѣе даже болѣе семи лѣтъ. — Это послѣднее тѣмъ достовернѣе, что по свидѣтельству Бероза, управлялось царство *ἔπε τῆ βασιλευς δατῶν* — отъ главнаго сановника въ государствѣ. d) Непонятно, говорятъ еще, какъ могъ бы царь — деспотъ говорить о себѣ предъ всѣми подданными столь унижительно, какъ во всенародномъ манифестѣ (IV). Но духовное правленіе и прозрѣніе къ истинѣ, сила вѣры къ какому самоотверженію не подвинуть? Да еще же: Навуходоносоръ въ самыхъ бѣдствіяхъ является здѣсь подъ особою рукою провидѣнія Божія. И конецъ испытанія — возстановленіе и величіе царя: унижительно-ли для послѣдняго говорить объ этомъ? Наконецъ e) слишкомъ примѣтны въ указѣ Навуходоносора рѣчи и мысли іудея, говорятъ противники. Что же удивительнаго, если столько откровеній и чудесъ, вразумительныя бѣдствія, обращеніе съ Пророкомъ внушили язычнику благоговѣніе и вѣру? Впрочемъ и здѣсь язычникъ иногда высказывается, напр.: «пришелъ Даниилъ, которому пмя Валтасаръ, по имени *бога моего*, въ которомъ духъ *святыхъ боговъ*» (ст. 5), и под.

Въ V-ой главѣ кажется сомнительною свобода съ какою изъясняется Даниилъ предъ царемъ; но она совершенно свойственна праведнику и Пророку, по выраженію другаго Пророка о себѣ: *глаголахъ о свидѣніяхъ твоихъ предъ цари и не стыдяхся, не смущался. Самъ царь не могъ считать этого*

оскорбленіемъ величія, столь гордаго въ вавилонскихъ царяхъ: такъ какъ онъ видѣлъ предъ собою руку царя царствующихъ и въ Даниилѣ не могъ не признать орудія той же руки. Не естественнымъ въ современникѣ, а приличнымъ позднѣйшему Писателю кажется то, что столь кратко и какъ бы мимоходомъ въ концѣ сей главы, обозначенъ великій переворотъ въ Вавилонѣ — перемѣна династій и ниспроверженіе вавилонской національности. Но то, что съ точки зрѣнія на предметы и событія, свойственной поверхности и мірскому взгляду, особенно замѣчательно, — можетъ быть не таково съ точки зрѣнія мужа Боговдохновеннаго, и притомъ, по преимуществу предъ другими священными писателями, чуждаго увлеченія и занимающагося прямо дѣломъ. Спрашиваютъ еще: «какъ могло случиться то, что Даниилъ провозглашенъ третьимъ по царѣ, когда вельдъ за пиромъ въ ту же ночь царь былъ убитъ, и на мѣсто его вступилъ на престолъ другой царь?» Очень просто. У царя было необыкновенное пиршество и собраніе, какъ сказано въ книгѣ, изъ тысячи вельможъ; весь городъ, конечно, не могъ не быть въ движеніи, всегда обычномъ при такихъ случаяхъ. И такимъ образомъ, что могло скорѣе и легче исполниться, какъ публичное провозглашеніе о Даниилѣ. —

Въ VI-й главѣ представляется сомнительнымъ, чтобы Дарій Мидійскій далъ столь нелѣпное запрещеніе въ продолженіи цѣлыхъ тридцати дней молиться какому бы ни было божеству, а только бы прибѣгли къ одному царю. Вотъ одинъ изъ случаевъ, къ ко-

тому особенно необходимо приложение правила: не судить о другомъ времени по своему времени. Конечно, въ наше время, отличающееся вообще религиозною холодностію, странно должно быть, напр. то страстное увлеченіе къ идолопоклонству, какое замѣтно въ евреяхъ Моусеева времени; между тѣмъ какъ тогда это было также просто, какъ склонность къ вольнодумству нашихъ мыслителей. Обожаніе тѣхъ, кого и мы называемъ въ извѣстномъ смыслѣ земными богами, то есть, обожаніе царей, есть одно изъ самыхъ естественныхъ видоизмѣненій язычества. Вспомнимъ напр. Илиаду или Одиссею, гдѣ люди, и особенно властительные, до ослѣпительности ярко сіяютъ для вѣка отраженіемъ божества («Богоподобный», «Боговидный»). Съ продолженіемъ времени такой взглядъ на царей естественно долженъ былъ принимать важное значеніе. — Персидская же Зороастрова религія выдавала именно за положительный догматъ, что царь есть представитель и какъ бы воплощеніе божества (Ормузда); почему же можетъ показаться не естественнымъ и недостовѣрнымъ, чтобы тогдашній царь и народъ приносили жалкую дань вѣку языческаго *невѣденія*?! Въ лицѣ своемъ Дарій Мидянннъ мнилъ воздать или потребовать отъ всѣхъ подвластныхъ ему чествованіе верховнаго національнаго божества, котораго онъ считался представителемъ.

Отъ исторической части книги перейдемъ къ содержанію пророчествъ, которое также кажется противникамъ несовѣстнымъ со временемъ Дани-

ила. Почему же? Во первыхъ, по необыкновенной опредѣленности пророчествъ: отъ времени Даниила по смерть Антіоха Епифана, Пророкъ пишетъ точно исторію будущихъ политическихъ событій — послѣдовательно, точно и подробно (недостаётъ только собственныхъ именъ). Но это самое и есть такой предметъ, что болѣе всего уязвляетъ невѣровъ и радуется, утверждаетъ вѣру; это есть тотъ самый пунктъ, которымъ завладѣть стремится невѣріе, и за который стоитъ вѣра: какъ же обращать въ оружіе брани то самое, изъ за чего идетъ брань, что еще только усиливаются оспорить? Это первое! Во вторыхъ, мы уже имѣли случай говорить, что самая эта обстоятельность и точность предреченій, въ кн. Даниила, оказывается однимъ изъ внутреннихъ признаковъ подлинности этой книги. Повторимъ здѣсь говоренное нами прежде, въ подтвержденіе, что истина гораздо вѣроятнѣе произвольныхъ предположеній. Въ книгѣ Даниила предуказаны: смѣна царства вавилонскаго персидскимъ, и послѣ четырехъ царей послѣдняго—усиленіе Греческаго, всемірное почти преобладаніе Греческаго царя (Александра, какъ само собою понятно), раздѣленіе послѣ него Греческаго царства, и то не между дѣтьми его, на четыре отдѣльныя царства. Изъ сихъ послѣднихъ Пророкъ имѣлъ въ виду въ особенности два царства, такъ названна у него сѣверное и южное (по обстоятельствамъ ихъ видно, что это Сирійское и Египетское), — слѣдить ихъ взаимную борьбу до подробностей, — обозначаетъ преемство ца-

рей, сраженія, побѣды, политику, браки изъ политическихъ видовъ, въ особенности обстоятельствъ и дѣлъ послѣдняго сѣвернаго царя (Антиоха Епифана). Въ примѣръ подробностей мы указывали, что у Пророка, при изображеніи одного сраженія, опредѣлено и число пораженныхъ на немъ (10,000 XI. 12), или еще: представлены два царя—сѣверный и южный—бесѣдующими за столомъ и злоумышляющими другъ противъ друга (XI, 27). И все это вполнѣ оправдалось исторіею! Спрашивается: такое обширное и точное познаніе исторіи въ продолженіи 370 лѣтъ, это проникательное разумѣніе политики и характера разныхъ царей, эту безошибочность въ самыхъ подробностяхъ какъ изяснить въ палестинскомъ Іудеѣ Маккавейскаго времени, когда самъ Іуда Маккавей обнаруживаетъ, какъ мы видѣли, историческое невѣдѣніе о самыхъ близкихъ событіяхъ и отчасти о тѣхъ же самыхъ лицахъ (Антиохѣ Великомъ)?! Въ особенности писателю сего времени слѣдовало бы быть не только неотступнымъ зрителемъ всѣхъ дѣлъ и событій Антиоха Епифана, но и слѣдить сокровенныя его движенія и замыслы. И это должно было предлагать подавленному притѣсненіями іудею, по отношенію къ государю, жесточайшему и коварнѣйшему, котораго душа была такъ темна, и пути такъ запутаны въ козняхъ.... Но невѣріе лучше соглашается на неестественное и невѣроятное, чтобы только не уступить вѣрѣ. Да изъ за чего, въ третьихъ, и хлопочуть противники? Не все ли равно—просто для Божества и непостижимо для насъ,

чтобы Пророкъ указалъ на одно или на цѣлый рядъ будущихъ событій, прямо или съ нѣкоторою прикровенностію? или время Даниилово не требовало для вѣры обстоятельныхъ и точныхъ предсказаній, а избранный въ органъ Духа мужъ не могъ подлежать такому наитію Духа Божія? Напротивъ, если взять во вниманіе эту строгую точность, свойственную Даниилу и современную ему потребность народа Божія имѣть самыя удостовѣрительныя доказательства блящей надъ ними Вседержавной власти, когда сосѣднія царства станутъ утѣснять его,—то очень понятна становится необыкновенная опредѣленность и обстоятельность пророчествъ о семь тяжкомъ времени. — Она сообразна съ свойствами избраннаго органа и съ тогдашнею потребностію Церкви.

Далѣе, большая часть пророчествъ Даниила доведена до смерти Антиоха Епифана: видѣнъ, говорятъ, въ писателѣ современникъ Маккавеевъ. Но нужно, во 1-хъ, ограничить мысль возраженія. Нѣтъ ни одного въ кв. Даниила пророчества, которое бы остановилось на времени Епифана. Не говоримъ о раскрытомъ отъ Даниила пророчественномъ значеніи сновидѣнія Навуходоносора, что оно идетъ далѣе времени Антиоха Епифана, обнимая и всемірное распространеніе христіанства; нечего говорить и о седминахъ, простирающихся до пришествія Христова и искупительной Его смерти. Въ 7-й главѣ пророчество доведено до открытія «вѣчнаго Царства Священнаго народа (ст. 27).» Въ VIII гл. вмѣстѣ съ временемъ Антиоха имѣется въ

виду время, когда «конецъ будетъ грѣшникамъ» (23). Особенно подробныя и послѣдовательныя пророчества трехъ послѣднихъ главъ (10—12) оканчиваются изображеніемъ открытія вѣчной жизни. Мысль возраженія должна ограничиться такимъ вопросомъ: почему Пророкъ большею частію отъ временъ Антіоха Епифана восхищается ко временамъ Мессіи и къ вѣчности, а до Антіоха не отступаетъ отъ послѣдовательной нити событій? Последняя половина вопроса уже выше рѣшена: потому до Антіоха послѣдовательно идутъ точныя пророчества, что на эти смутныя времена, когда избранный Божій народъ какъ бы перекидываемъ былъ въ зависимость отъ разныхъ языческихъ народовъ, потребно было яснѣйшее и опредѣленнѣйшее указаніе іудеямъ на управляющую и хранящую ихъ десницу Божию. Займемся рѣшеніемъ первой половины возраженія, именно о пророческомъ восхищеніи отъ времени Антіоха Епифана ко Христу и вѣчной жизни. Потому отъ гибели Антіоха восхищается Пророкъ къ пришествію Христову и къ вѣчной жизни, что въ избавленіе Церкви отъ Антіоха, признаваемаго ветхо-завѣтнымъ Антихристомъ, заранѣе имѣла славно проявиться побѣдоносная сила Христова. Видѣлъ Пророкъ темныя запутанныя времена Церкви, долженствующія послѣдовать за его временемъ;—видѣлъ, какъ темнота сгустилась надъ нею, особенно при Антіохѣ Епифанѣ и Церковь, по видимости, была совсѣмъ подавлена. И вотъ за тѣмъ видитъ ее побѣдоносно вышедшею изъ этого искушенія—восторжество-

вавшею надъ врагомъ по благодати грядущаго Христа; и Пророкъ поднимаетъ духовный взоръ свой къ самому Христу, и къ Его рѣшительному вѣчному торжеству надъ всѣми врагами. Это очень просто и обыкновенно въ пророчесственной области! также просто это во своемъ родѣ, какъ просто, плѣнившись сіяніемъ солнца и обликомъ его самого, отразившемся въ чистой водѣ, взглянуть и прямо на это прекрасное и величественное дневное свѣтило. Впрочемъ и далѣе Антіоха Епифана съ точностію же опредѣлено самое число лѣтъ до Христа, разрушеніе Іерусалима, разсѣяніе избраннаго народа. Если же о семъ періодѣ времени менѣе предречено, чѣмъ о предшествовавшемъ, то тѣмъ болѣе Іудеи послѣдняго предъ Христомъ времени должны будутъ сосредоточить всѣ чаянія свои на Христѣ и знать, что теперь только и остается явиться Христу для совершенія ихъ назначенія и исполненія обѣтованій на нихъ Божіихъ. Не пройдемъ здѣсь и такого о книгѣ Даниила вопроса: большая часть точныхъ въ ней пророчествъ относится къ исторіи языческой, — въ нихъ прослѣжены судьбы разныхъ царствъ и особенно борьба между Сирією и Египтомъ. Свойственно ли это истинному Израильскому Пророку? И какое значеніе могло бы имѣть это для Израиля, которому вручена Даниилова книга?—Вопросъ отчасти рѣшенный также выше. Судьба іудеевъ и слѣдовательно самой Церкви, послѣ плѣна вавилонскаго, соединяется тѣсно съ другими языческими народами. Смѣна вавилонскаго владычества персид-

скимъ дала іудеямъ освободителя Кира; смѣна персидскаго могущества греческимъ дала имъ новыхъ владыкъ и, сверхъ того, новое направленіе мыслей и политики, столько разнящееся отъ древне-теократическаго; борьба Сирійцевъ и Египтянъ опредѣляла зависимость іудеевъ то отъ тѣхъ, то отъ другихъ, и слѣд. такую или другую участь ихъ. Исторія народа Божія, въ это послѣднее время, именно становится исторіею этой взаимной борьбы между Селевкидами и Птолемеями. Поэтому, въ Даниловыхъ пророчествахъ о языческихъ царствахъ, іудеи должны были читать собственную свою судьбу. А сверхъ того, когда Богъ Израилевъ предначерталъ судьбу и дѣла тѣхъ языковъ, которые дѣйствительно притѣснили іудеевъ: то вѣрующему Іудею было очень понятно, что съ такою перемѣною древне-теократическаго порядка дѣлъ, — съ этою жалкою зависимостію іудеевъ отъ языковъ, — народъ избранный находится всё же подъ вседержавною десницею своею Всевышняго Царя, что Всевышній Царь ихъ есть Владыка и надъ ихъ притѣснителями; и так. об. іудеи не перестаютъ быть избраннымъ народомъ Божиимъ. Слѣдовательно, для мрака сихъ послѣднихъ временъ Церкви ветхо-завѣтной потребенъ былъ именно такой пророчественный свѣточъ, какой представляютъ Даниловы пророчества.

Такимъ образомъ то самое въ содержаніи книги, что столько путаетъ противниковъ и составляетъ для нихъ камень преткновенія въ отношеніи къ книгѣ Даниила, на самомъ дѣлѣ только по-

казываетъ и утверждаетъ неподдѣльность сокровища Слова Божія, здѣсь содержащагося.

Въ духѣ книги и въ образѣ раскрытія въ ней предметовъ находятъ новыя преткновенія для себя противники. Такъ кажется возражателямъ, что книга Даниила написана въ духѣ и со взглядомъ на вещи, свойственнымъ позднѣйшему времени. — Писатель книги будто бы не во всемъ удовлетворяетъ требованіямъ истиннаго духовно-нравственнаго совершенства; но что касается внѣшнихъ дѣлъ, до формъ церковныхъ, онѣ у него развиты и наблюдаются строго, какъ это извѣстно объ іудеяхъ втораго Іерусалимскаго храма; догматика его чужда древней простоты; о религіи Вавилонянъ онъ судитъ будто бы по Греческому язычеству; бѣдствія и скорби преобладанія Епифанова будто примѣтно отражаются въ его сказаніяхъ. Нужно изслѣдовать и эти клеветы. Писателю книги ставятъ въ предосужденіе духовно-нравственнаго его достоинства то, что онъ нерѣдко выставляетъ на видъ свои необыкновенныя достоинства, напр. I, 1—20; II, 4—48; V, 11; IX, 23 и пр. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ Святой Писатель повѣствуетъ, какъ было дѣло; не себя самого хвалитъ, а только соблюдаетъ историческую точность. Подобное замѣчается и у другихъ священныхъ писателей; напр. извѣстно, скрываютъ ли Моисей въ пято-книжій или Давидъ въ псалмахъ свои духовныя совершенства. И это волюнѣ свойственно дѣтскому чистосердечію и откровенности ветхо-завѣтнаго человѣка; не говоря уже о томъ, что такое сви-

дѣтельство о нихъ даетъ чрезъ нихъ Духъ Божій, а не они сами по себѣ. Чтобы судить, какъ Пророкъ смотрѣлъ на свои достоинства, — надобно взять во вниманіе не историческія сказанія, а тѣ мѣста въ книгѣ, гдѣ вся его душа изливается предъ Богомъ, или гдѣ онъ самъ изъясняетъ предъ кѣмъ либо свои достоинства. Праведникъ и Пророкъ, котораго еще въ юные его годы другой Пророкъ ставилъ въ одинъ рядъ съ Ноемъ и Ювомъ, засвидѣтельствованными отъ самаго Бога въ безпримѣрной праведности, такъ молится Господу: «согрѣшили мы, сдѣлались виновными, преступниками, непокорными, и отступили отъ заповѣдей Твоихъ. Не слушали мы рабовъ Твоихъ пророковъ... *Тебѣ, Господи, правда, намъ же стыдливое лице*» (Ис. 5—7). Первый изъ мудрецовъ такъ былъ занятъ своею мудростію и откровеніями: «тайна сія открылась мнѣ не потому, что есть во мнѣ духъ, отличный отъ всѣхъ живущихъ, говоритъ онъ Навуходоносору, но для того, чтобы царю изъяснить смыслъ сна.» (2, 30). Сказать тоже другими Апостольскими словами: *не себе самъ проповѣдуемъ, но Господа, себе же рабовъ вѣмъ* (2 Кор. 4, 5). Впрочемъ нельзя не замѣтить, что Пророкъ съ особенною живостію и любовію выставляетъ на видъ несравненное превосходство Боговдохновенной премудрости предъ языческою мудростію, — какъ и свойственно обладающему сокровищемъ благодати радоваться о немъ во славу Благодателя.

Мнимо-позднія нравственныя понятія, соблюденіе

внѣшнихъ церковныхъ формъ и уваженіе внѣшнихъ дѣлъ находятъ въ томъ, что Пророкъ имѣетъ особенную молитвенную горницу, употребляетъ на домашнюю молитву опредѣленные часы, обращается въ молитвѣ къ сторонѣ Сіона, изнуряетъ себя постомъ для возвышенія къ пророческимъ откровеніямъ, предлагаетъ раздавать милостыни для умиловленія Божія. Но еще Давидъ удалялся въ особую горницу для изліянія своей духовной скорби о смерти Авессалома (2 Цар. 18, 33); Илія удалялся въ свою горницу для молитвы и воскресенія умершаго сына вдовы (3 Цар. 17, 20). О троекратномъ славословіи въ опредѣленное время говоритъ псалмопѣвецъ (Псал. 54, 18). Сіонъ и храмъ, начиная отъ временъ Давида и Соломона, привлекали къ себѣ очи, мысли и сердца молитвенниковъ, какъ видно изъ псалмовъ; Иона и изъ чрева Китова свои молитвенные вопли устремлялъ ко храму Святому. Постъ, какъ путь къ Боговѣдѣнію и Богооткровенію, проходили еще Моисей и Илія. Объ умиловленіи Божіемъ милостынями говоритъ Соломонъ (Притч. 14, 21. 31). Если все это въ нашей книгѣ высказывается съ большою положительностію сравнительно съ ранними св. писателями: то это свойственно всякой идеи съ продолженіемъ времени получать болѣе опредѣленную и точную форму. Дѣло впрочемъ понятное, что возражатели, не понимая духа и значенія указанныхъ дѣлъ благочестія, низко и грубо думаютъ о нихъ, и потому усиливаются унижить авторитетъ самаго Священнаго Писателя; тогда какъ на са-

момъ дѣль авторитетомъ Пророка утверждаются высокое значеніе и благодатно-живой духъ сихъ дѣль, обычныхъ всякому истинно-вѣрующему.

Въ вѣроученіи поражаетъ рационализовъ, что Мессія представленъ у Даніила не въ образѣ земнаго царя, а прямо въ состояніи вышешірнаго превознесенія (7, 13. 14), что прямо указаны воскресеніе, судъ и вѣчная жизнь, что подробнѣе прежняго открыты тайны міра духовнаго и отношенія его къ земнороднымъ. Догматика древне-пророчесвенная будто-бы проще, и мало и не столь прямо касается сихъ высшренихъ тайнъ. На это должно сказать, во первыхъ, что все помянутыя истины можно найти, хотя не въ такой открытости, и у прежнихъ священныхъ писателей, что сущность вѣроученія Даніилова обща у него со всеми пророками. Такъ превознесеніе Христово указано въ псалмахъ (напр. 109, 1. 2); послѣдній судъ въ концѣ книги Екклезіаста. Участіе духовъ въ дѣлахъ и судьбахъ человѣческихъ видно у Юва. Если же у нашего Пророка все это раскрыто обстоятельнѣе и прямѣе: то, во 2-хъ, должно сказать о семъ, что это согласно съ общимъ порядкомъ Божіихъ откровеній. Когда ветхо-завѣтное образовательное церковное устройство изветшало до того, что уже могла быть опасность остановиться вѣрующимъ на одномъ земномъ, естественномъ, не восходя къ духовному и небесному: то потребно было откровеніе прямо, какъ о царѣ и царствѣ *не отъ міра сего*, какъ объ устроителѣ и области будущей вѣчной жизни, — и въ семъ случаѣ было естественно,

чтобы открылись нѣкоторыя подробности духовнаго Царства Божія. Таковъ общій законъ ветхо-завѣтныхъ пророчествъ! Слѣдовательно, откровенія книги Даніила не выходятъ изъ ряда другихъ пророчесвенныхъ откровеній, а занимаютъ между ними неоспоримое, такъ сказать *необходимое* мѣсто.

Взглядъ на религію Вавилонянъ, взятый съ греческихъ воззрѣній, находятъ въ кн. Даніила въ томъ, что Навуходносоръ (3, 92) выражаетъ идею о Божіемъ Сынѣ, между тѣмъ какъ сыны боговъ извѣстны у Грековъ. Но, во 1-хъ, какъ выраженіе *сынъ человѣческій*, даетъ собственно мысль о человѣчествѣ: такъ и выраженіе *Сынъ Божій*, въ устахъ язычника, даетъ мысль только о томъ, что явившійся въ печи показался ему лицомъ Божескимъ. А это можетъ быть и безъ воззрѣній религіи греческой. Господь открывалъ ему тайну спасенія трехъ отроковъ — въ такомъ лицѣ, которое является не просто какъ человѣкъ, но и какъ Богъ, — какъ Божія Сила, и Навуходносоръ выражаетъ то, что ему открыто, — называя явившагося Сыномъ Божіимъ. Во 2-хъ, несправедливо, что идея Сына Божія была вовсе незнакома Вавилонянамъ. Когда Вавилонянъ извѣстны божества Винъ и Милитта — мужское и женское: то и мысль о сынахъ боговъ не могла быть чужда имъ. И наконецъ въ 3-хъ, это само по себѣ доступное и особенно въ Вавилонѣ не чрезвычайное понятіе *Сына Божія*, въ настоящемъ случаѣ торжества вѣры и благодати, когда предъ самыми языками открывалась слава истиннаго Бога, могло и должно быть очищено и воз-

вышено въ Навуходоносорѣ до своего истиннаго значенія свѣтомъ вышеестественнаго видѣнія.

Бѣдствія временъ Епифана представляются противникамъ выразившимися въ мучительствѣ Навуходоносора за непоклоненіе истукану, въ скорби Даниила объ Израилѣ, въ рѣчи его о разсѣяніи Израиля, когда уже іудеи возвратились изъ плѣна (при Кирѣ). Но мучительство Навуходоносора имѣетъ особый характеръ противъ Антиоховъ: этотъ *не терпитъ въры* іудейской, и царь вавилонскій вступается собственно за непокорность его волѣ. Скорбь Даниила объ Израилѣ, когда объ его повинны были внѣ земли обѣтованной, и храма у него уже не было, когда чрезъ то, по тогдашнему времени, церковь представлялась въ крайней опасности, — эта глубокая скорбь очень понятна и естественна, хотя Пророкъ и былъ однимъ изъ первыхъ государственныхъ сановниковъ, и народъ іудейскій не терпѣлъ притѣсненій. Говоритъ Пророку о разсѣяніи Израиля, и по возвращеніи іудеевъ изъ плѣна, было свойственно и потому, что Ефремяне или всѣ десять колѣнъ Израильскаго царства были въ разсѣяніи и изъ самихъ іудеевъ не всѣ возвратились, — и потому, что онъ видѣлъ и настоящее озлобленіе, и провидѣлъ всѣ имѣвшія послѣдовать разсѣянія избраннаго народа. — Такъ об. все сказанное обращается не противъ, а въ подтвержденіе подлинности книги Даниила.

Образъ раскрытія предметовъ кажется для противниковъ не свойственнымъ Пророку въ двухъ отношеніяхъ, — во 1-хъ — по своей монотонности и про-

заической, строгой точности. Таковы ли, говорятъ, всѣ прочія пророческія книги? но эта особенность нашей книги согласна съ личною особенностію Пророка Даниила; не поэтическое настроеніе, а духовное любовѣдѣніе и точность—его характеръ. Сообразные съ симъ и звуки извлекъ изъ сего органа Святой Духъ. Во 2-хъ, по недостатку въ книгѣ правоученія, увѣщаній, обличеній. Но Пророкъ Даниилъ, не какъ прочіе, не говорилъ рѣчей предъ народомъ, а записывалъ только откровенія. — По этой особенности его пророческаго поприща, у него не ораторскій, а историческій методъ пророчествованія. — А извѣстно, распространяются и священные историки чрезъ изліяніе своихъ ощущеній и чрезъ вразумленія другихъ. Нѣтъ, у нихъ только факты и факты, которыми располагаетъ Самъ Господь Богъ. Тоже, согласно съ благопотребною и принятою методою, оказывается и у Святаго Даниила: оно раскрываетъ откровенія такъ, какъ они послѣдовали, и не говоритъ болѣе ничего.

Остается рассмотреть еще одно выраженіе, по видимости, одно изъ самыхъ сильныхъ, но послѣ столькихъ и такихъ доказательствъ подлинности уже не слишкомъ важное для насъ есть въ книгѣ нѣсколько греческихъ словъ. Такихъ словъ находятъ до десяти: *πρότιμοι*, *φλέγμα*, *κῆρυξ*, *κῆρῶδων*, *κῆδαρις*, *βαμβύκη*, *βυμφωνία*, *ψαλτήριον*, *πέταβος*, *ὀμβρῖα*, — каждое изъ этихъ словъ, въ своихъ согласныхъ буквахъ, безъ перемѣны является въ текстѣ халдейскомъ Данииловой книги. Исслѣдованія ученыхъ, по этому предмету, представляютъ два

важныя обстоятельства. Во первыхъ, почти всѣ изъ словъ, кажущихся взятыми съ Греческаго, совершенно объясняются изъ халдейскаго или другихъ сродныхъ съ нимъ языковъ. — Касательно сихъ словъ, слѣдовательно дѣло рѣшено: эти слова не Греческаго, а семитическаго происхожденія, а сходство ихъ съ Греческими словами или случайно, или же зависитъ отъ перехода ихъ въ Греческій языкъ съ востока. Такихъ заимствованныхъ отъ востока словъ находятъ у Грековъ не мало. Подобное сходство словъ замѣчается и въ другихъ, отдаленныхъ между собою, языкахъ: напр. не мало словъ русскихъ, близкихъ къ санскритскимъ. Если же неудобно изъясняются изъ семитическихъ языковъ, въ нашей книгѣ, два-три слова, служащія именами музыкальных инструментовъ, какъ *ερατέβ*, *δουδωμια*, *κνεαβιε* (*): то во вторыхъ, дознано, что

(*) Правда, нѣкоторые изслѣдователи и эти слова относятъ къ халдейскому или другому сродному съ нимъ языку на такихъ основахъ: въ оставшихся словесныхъ памятникахъ сихъ языковъ, по которымъ только и можно изъяснять наши слова, конечно сохранился не весь составъ сихъ языковъ: потому, когда нѣкоторыхъ словъ не находимъ въ словесныхъ памятникахъ, — это еще не доказываетъ, что такія слова чужды тѣмъ языкамъ. Если напр. въ книгѣ Исаіи есть слова такія, которыхъ нѣтъ еще ни въ одной книгѣ: то почему же того не можетъ быть и въ книгѣ Пророка Даніила? Довольно того, что наибольшая часть словъ, кажущихся Греческими, изъясняются вполне изъ семитическихъ языковъ: въ этомъ уже есть основаніе относить къ тѣмъ же языкамъ и остальные три слова. Кромѣ того, именно извѣстно, что значительное количество именъ музыкальных инструментовъ заимствовано Греками съ Востока. (Hadek krit.

еще прежде Александра Великаго Греки бывали въ столкновеніяхъ съ востокомъ; и потому прежде эллинизации востока, послѣдовавшей отъ завоеваній Александра, отнюдь не странно распространеніе здѣсь нѣкоторыхъ греческихъ понятій и словъ. Еще Сennaхиримъ имѣлъ дѣло съ Греками въ Киликіи; братъ поэта Алкея былъ въ Вавилонѣ; въ войскѣ Дарія противъ самаго Александра находились нѣкоторые Греки, еще при мидійскомъ владычествѣ высланныя на востокъ. Чтожъ мудренаго, если на востокѣ нѣкоторые греческіе инструменты, отличающіеся особеннымъ музыкальнымъ достоинствомъ (что свойственно Грекамъ), перенимались туземными жителями безъ перемѣны своихъ названій? особенно это могло быть въ Вавилонѣ при Навуходоносорѣ, стремившемся властію воспользоваться всѣмъ, что ни есть на свѣтѣ. Очень естественно, что у него на всенародномъ государственномъ торжествѣ имѣла мѣсто и греческая Эстетическая музыка. И такимъ образомъ, греческія слова, встрѣчающіяся въ книгѣ Даніила, служатъ однимъ изъ важныхъ историческихъ указаній, которыми вообще такъ богата его книга: именно, онѣ указываютъ на раннее ознакомленіе востока съ греческими изобрѣтеніями. Сему соотвѣтствуетъ то обстоятельство въ книгѣ, что Даніиль зналъ о греческомъ народѣ, — ибо при изъясненіи

unt. s. 101.) Впрочемъ можетъ справедливо показаться натяжкою производить не отъ чисто Греческаго *συρδωμια* — такое слово, въ которомъ видѣнъ есть составъ сложнаго греческаго слова.

одного видѣнія Ангелъ указалъ ему на имя греческаго царства, какъ на извѣстное понятіе (8, 21).

Послѣ всего сказаннаго, изслѣдованіе о подлинности книги Пророка Даніила можно заключить такъ: не говоря о множествѣ ясныхъ положительныхъ доказательствъ подлинности и исторической достовѣрности книги, самыя затрудненія, представляющіяся въ семъ отношеніи, не только вполне разрѣшаются, но и сами большею частію обращаются въ доказательства происхожденія книги отъ Св. Пророка Даніила.